

Серж Запольский
Нина Запольская

Скрываясь от гуронов

Достояние Англии. Книга 4

18+

Нина Запольская
Серж Запольский
Скрываясь от гуронов
Серия «Достояние Англии», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32535894

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-05698-5

Аннотация

Для поклонников вестерна – книга «про охотников и индейцев», написанная по дневниковым записям путешественников XVIII века и на современном материале. Четыре отважных джентльмена вновь отправляются на розыски сокровищ Диего де Альмагро. Теперь шхуна «Архистар» держит курс в Гудзонов залив. Осенью в канадской тайге красиво, но безмерно опасно. Героев преследуют индейцы, а на обратном пути давняя, но незабытая любовь подвергает капитана Линча смертельной угрозе. Потом жестокий шторм уносит шхуну в Саргассово море.

Содержание

Глава 1. Дэниз с Тортуги	4
Глава 2. Снова вдаль	38
Глава 3. В канадской тайге	83
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Нина Запольская, Серж Запольский Скрываясь от гуронов

Глава 1. Дэниз с Тортуги

В июне 1747 года капитан Дэниэл Линч ввалился в лондонскую мастерскую своего друга Томаса Чиппендейла с большим свёртком в руках.

– Куда это можно поставить? – громко спросил он.

Не дожидаясь ответа, капитан аккуратно пристроил свёрток на пол у себя в ногах и схватил Томаса в объятия.

– Э-э, да ты ещё больше располнел, дружище, – сказал капитан другу, после того, как они обнялись.

– Да у меня работа такая, ты же знаешь... Сидячая, – ответил Томас. – Чем больше сидишь, тем больше зарабатываешь. Гулять некогда.

Какое-то время друзья смотрели в глаза друг друга, потом Томас погладил капитана по плечам и сказал любовно:

– Зато ты всё такой же... Загорелый и жилистый чертяка.

Словно сконфузившись от этого выражения чувств, Томас покосился на свёрток и спросил с деланным интересом:

– А что ты привёз на этот раз?

– Это, брат... – сказал капитан и многозначительно замолчал.

Потом он таинственно прищурился, снял с головы треуголку, нацепил её на гвоздь в стене, пригладил свои и без того гладкие, выгоревшие на солнце светлые волосы и добавил шёпотом:

– Это, брат, сюрприз!.. Для тебя!

Отстегнув саблю, он отдал её Томасу и стал осматриваться по сторонам. Скоро капитан уже стремительно двигался по мастерской, с интересом оглядывая стоящие и лежащие в ней предметы, трогал их и тут же переходил к другим. Томас счастливо улыбался, ему казалось, что капитан заполнил собой всю мастерскую, находясь одновременно во всех её местах, во всех потаённых уголках, где они только в ней были, и даже там, где никаких уголков никогда не было.

– Ну, как твоя работа?.. Что нового сделал? – рокотал капитан.

– Да, есть новые вещи, – ответил Томас безжизненным голосом.

Капитан настороженно хмыкнул.

– Ты обедал? – спросил он неожиданно, остановился и пристально взгляделся в друга.

– Нет, конечно, я ждал тебя, – неясно улыбнувшись, ответил тот.

Капитан опустил глаза, потом опять цепко взглянул на Томаса и спросил:

– Да что с тобой, дружище?.. Ты словно не рад мне?

– Ну, что ты, – словно через силу сказал Томас. – Конечно, я рад тебе ужасно.

– Та-ак, – сказал капитан и, побарабанив пальцами по большому рубанку, лежащему перед ним на верстаке в горе стружек, приказал: – Рассказывай!.. Немедленно!

С этими словами он взял стул и сел на него верхом напротив Томаса, широко раздвинув колени и увесисто положив руки на спинку стула. Томас сделал шаг в сторону, как будто хотел убежать из комнаты, и тут же начал говорить, без всякого вступления, словно выплёскивая из себя наболевшее:

– Ах, Дэн, у меня такое чувство, что я бьюсь в закрытые двери. Я бьюсь в них и бьюсь, и этому нет конца и края... Конца и края – нет, и денег – тоже нет. Причём, как мастер, я становлюсь всё лучше, и мастерство моё растёт. Я создаю красивые вещи, но их никто не видит... Я кручусь, словно собака за своим хвостом – и не могу его поймать... Еле-еле продав какой-нибудь предмет, причём предмет достойный, за совсем небольшие деньги, я, окрылённый, начинаю работать над новой вещью, которая получается ещё лучше старой – и опять не могу её продать... Моя работа стоит, пылиться в мастерской, а меня самого охватывает отчаяние!

Томас на мгновение замолчал, опустил низко голову и продолжил уже глухим голосом:

– Я всё время говорю себе... Надо ещё чуть-чуть потерпеть. Вот закончу этот стул, вот разработаю этот буфет – и у

меня всё наладится, появится много работы, много заказчиков, а главное – появятся деньги на новые проекты. Но время идёт, а лучше не становится. В моей голове рождаются великолепные вещи! Но у меня нет денег, чтобы их сделать. И всё, что я зарабатываю, съедает аренда... Ты же знаешь, как она в Лондоне высока?

Томас отвернулся, подошёл к буфету и, опершись в него двумя руками, заговорил опять:

– Я иногда думаю, что бог помогает не тем, кто много работает, а тем, у кого есть здание в собственности. Потому, что его можно сдать в аренду. А я даже не могу дать объявление в газете – это тоже стоит денег! А мебель покупают у тех, кто на виду. И никто даже не подозревает, что за чудо стоит у меня в мастерской!.. А мне уже двадцать девять лет!

Начал говорить Томас почти спокойно и отстранённо, а закончил в каком-то холодном исступлении и даже слегка задыхаясь. Впрочем, он тут же замолчал, потом опять повернулся – лицо его было бледно и мокро от слёз. Капитан, не отрываясь, смотрел на него: Томас стоял молча, потом лицо его стало подёргиваться, и он опять отвернулся.

– Я иногда думаю, что я просто бездарность, – едва слышно прошептал он. – Я так устал от всего этого... Жить дальше не хочется... Хочется лечь и умереть.

Всё время, пока он говорил, озноб волнами проходил у капитана по спине от этого горячечного, бессвязного шёпота.

Он встал и подошёл к Томасу. Сказал резко:

– Ты не бездарность. Просто ты не из тех людей, которым в жизни даётся всё само.

Капитан развернул Томаса к себе, пронзительно, испытующе посмотрел ему в глаза, полные слёз, и продолжил:

– Ты замечал?.. Есть люди, которые лежат себе на диване, а к ним приходят и предлагают деньги? Причём им даже вставать не надо – а надо просто взять эти деньги. А мы с тобой не из таковских... Мы бьёмся за каждую монету, причём бьёмся отчаянно, со всем пылом! Конечно, сил и пыла остаётся всё меньше... Тут главное, чтобы не пропала вера в себя. Понимаешь?

Он крепко сжал плечи Томаса, только что не потрянув его в подтверждение своих слов. Сказал:

– И не смей говорить себе, что ты бездарность! Просто ты живёшь в такое время, когда простым людям твоя мебель не по карману... А богачи про тебя не знают. Но подожди! Мы с тобой что-нибудь придумаем!

В горле капитана что-то болезненно сжалось. Он запнулся, кашлянул и, уже отпуская Томаса, азартно воскликнул:

– Но ты посмотри, что я привёз тебе из Китая!

Он бросился к дверям за своим свёртком и, присев перед ним на корточки, стал распаковывать его из парусины. Томас подошёл ближе. В свёртке был совсем простой стул, который капитан поставил посреди мастерской. Напротив стула он усадил Томаса и сказал:

– Это хорошо, что ты ещё не обедал. Смотри вот сюда, на спинку стула, на это украшение из перламутра.

Капитан вынул из кармана жюстокора небольшой футляр красного дерева и добавил таинственно, замирающим голосом:

– Но только смотри пристально.

Достав из футляра коричневую палочку, капитан зажёл её от свечи и положил на сдёрнутое со стола пустое блюдо. Блюде он поставил на китайский стул и отошёл. По комнате пополз душный приторный дым. Томас пристально, как ему было сказано, стал смотреть на пейзажную вставку на спинке стула: на луну из перламутра, на полуголые осенние ивы вокруг замёрзшего водоёма... Потом глаза у него вдруг закрылись, и он произнёс в тишине:

– Она поёт о луне. И колокольчики... Так нежно звенят.

Томас открыл глаза: зрачки его зияли двумя чёрными точками. Капитан заговорил тихо, словно о чём-то своём, очень личном, такая безмерная тоска вдруг разлилась в его голосе:

– Она поёт о том, что её любовь сильна и прекрасна, как свет осенней луны, которая освещает замёрзший пруд... И ей хочется бежать к любимому на тот берег... Но она боится испугать его, ведь любовь в его сердце хрупка, как этот первый лёд... Это очень старинные стихи.

– Я так и слышал, – прошептал Томас. – Что это сейчас было?

Капитан в задумчивости стал тереть лицо.

– Это, брат? – переспросил он со вздохом. – Да я и сам не знаю! Похоже, что лама, который дал мне это, тоже не знает... По крайней мере, он ничего мне так и не объяснил толком, только напустил туману.

Капитан подошёл к китайскому стулу. Сказал:

– Подожди, Том, я погашу палочку. Потом ещё послушаешь без меня. Вот сюда положишь, зажжёшь и послушаешь.

Он быстро загасил дымящуюся палочку пальцами.

– А теперь давай проветрим комнату, – произнёс он уже совсем другим, обычным своим голосом. – Дым всё равно уже не действует... И пообедаем. Что-то я проголодался.

Томас сидел, потрясённо уставившись на китайский стул. Он ничего не спрашивал у Дэниэла, по опыту зная, что проси – не проси, тот всё равно ничего не скажет, пока сам не захочет.

Капитан произнёс:

– Я тебе расскажу потом, обязательно... Ладно? Только не сейчас. Мне ещё очень худо. Ты только напомни мне. Скажи: «Уцайлотяньское сокровище».

– Как, Дэн? – воскликнул Томас. – Опять сокровище?

Что-то бессильное и недоконченное быстро промелькнуло в лице капитана, и тут же пропало, словно он хотел улыбнуться, но у него не получилось.

– Да, дружище... Это злой рок какой-то, – произнёс капитан и глубоко вздохнул. – Ведь живёт же кто-то на свете без всяких сокровищ. Просто живёт... А тут – то «русское

сокровище», то теперь вот – это. «У цай лотянь» – по-китайски название пятицветного перламутра. Да вот он, на стуле. Луна, видишь?

Томас опять посмотрел на стул, потом поднял с пола ткань и быстро накинул на спинку стула.

К обеду всё было готово, надо было только подогреть. Во время еды друзья мало разговаривали, а потом, уже встав из-за стола, капитан спросил небрежно:

– У тебя на антресоли за пологом постель... Ты опять ночуешь в мастерской?

Томас улыбнулся одними губами, произнёс жалко:

– Ты ведь ещё не знаешь... От меня ушла Мэри. И забрала с собой дочку.

– Так, – протянул капитан севшим голосом. – Почему?... Что она сказала?

Круглое лицо Томаса исказилось. В глазах его капитан прочитал ужас одиночества, и этот ужас словно стал заполнять тишину мастерской. Где-то на улице пронзительно и визгливо закричала женщина, наверное, обиженная торговка.

– Так что она сказала? – уже настойчивее спросил капитан, стараясь побороть в себе острую неловкость.

– Она сказала, что ей надоела моя бедность, – ответил Томас, потом вскричал: – Она сказала, что ей надоели мои вечные проекты!.. Она сказала, что наш брак всё равно недействителен, потому что нас, протестанта и католичку, венчал

католический священник!

Он остановился: возмущение выплеснулось из него, и ярость утихла.

– Она вернётся. Вот посмотришь, она вернётся, – с убеждением произнёс капитан и вставал.

Томас с надеждой посмотрел на него, но тут же сник.

– Нет, не вернётся, – прошептал он. – Она со своим новым мужем уехала в Ирландию.

Капитан опять сел. Какое-то время они молчали. За окнами звонко прозвучали подковы и раздалось дребезжание колёс, потом ещё и ещё раз. Капитан сидел за столом, уперев подбородок в кисти рук, вложенные одна в другую. Потом он поднял голову и, не расцепляя рук, сказал:

– Я знаю, чем тебе надо заняться... Тебе надо писать книгу.

– Мне?.. Писать? – переспросил Томас удивлённо.

– Да, не пугайся, – Капитан сощурился. – Тебе надо писать не роман и не памфлет, а руководство.

– Руководство? – опять переспросил Томас.

– Да, руководство, – подтвердил капитан, для верности качнув головой. – Или, как там это у вас, у мебельщиков, называется?

Он защёлкал пальцами, вспоминая, и, наконец, выговорил:

– Альбом эскизов мебели – вот как!

– Но таких альбомов выходит множество! – заспорил То-

мас. – Я сам пользуюсь двумя.

– Ну, так и что же? – спросил капитан. – А твой будет самый полный, самый хорошо иллюстрированный... И у тебя ведь самого есть собственные разработки?

– Да, есть, я спроектировал несколько новых мебельных предметов.

– Ну, вот видишь? Неужели тебе нечего будет сказать своим читателям?

– Да, конечно!.. Материалов масса! – вскричал Томас, уже воодушевляясь. – Ты даже себе не представляешь, как их много!..

Он забежал по мастерской, стискивая руки и бормоча под нос:

– Тут и рокайльные мотивы, и готические... Прелесть!.. Чудо!.. А ещё французское направление и испанское. А китайская тема?.. Боже мой!

Томас остановился, посмотрел на китайский стул и, подлетев к нему, сорвал с него покров.

– Я начну рисовать иллюстрации с этого стула! – очень уверенно провозгласил он.

– Начни, – поспешил согласиться капитан. – Сними с него лекала, сделай кальку с перламутровой вставки.

Тут он замолчал и уставился невидящими глазами в пространство, а переступив несколько раз задумчиво с пяток на носки, добавил:

– А потом отдай всё мне. Ты понимаешь?.. И никому про

этот стул не рассказывай, а уж, тем более, не пиши. Про всё пиши, а про этот стул – нет.

– Понимаю, – сказал Томас. – Сегодня же и начну... Прямо вот сейчас и начну.

– Начинай, работы с книгой будет много... Не на один год, – подтвердил капитан и спросил: – Ты же днём будешь мебель резать, а писать только по ночам?

– Да, конечно, – ответил Томас и улыбнулся. – Надо же и на жизнь зарабатывать.

– Тогда не буду тебе мешать, – ответил капитан.

Он быстро собрался и ушёл к себе в гостиницу, пообещав Томасу в скорости опять навеститься, как только закончит свои дела.

У него были какие-то дела в Грейвзенде¹

****

Вот там-то, недалеко от Грейвзенда, через пару дней капитан и увидел Дэниз, Дэниз с Тортуги.

Она стала совсем взрослой женщиной, взрослой и очень красивой, и капитан ни за что бы не узнал Дэниз, если бы не её взгляд – отчаянный взгляд, которым незнакомые женщины никогда не смотрят на незнакомых мужчин. Он обомлел, потом подошёл и, не говоря ни слова, снял треуголку и поцеловал ей руку. Она сказала, что сейчас идёт к себе в гостиницу, что только что проводила мужа-капитана, который ушёл в рейс. Капитан, любясь ею и ещё сам не зная зачем,

---

¹ Грейвзенд – порт на южном берегу Темзы, «ворота» лондонского порта.

договорился с Дэниз, что зайдёт к ней завтра, и они поедут куда-нибудь, может быть, к морю. Ещё раз поцеловав руку Дэниз, он проводил её взглядом и пошёл дальше, временами останавливаясь: он был не в себе – воспоминания разгорались в нём всё сильнее.

Скоро капитан поймал себя на мысли, что думает только о том жалком комочке платка, который Дэниз, в наивности и простодушии, а может быть, от отчаяния, протягивала ему в таверне Бастера, и как он от неё тогда сбежал. Стыд горячей волной прошёл по его спине, горло стиснулось комком, он опять остановился, глядя невидящими глазами перед собой, и скоро невыносимое желание спасти, защитить Дэниз охватило его.

Ночь он почти не спал. Он рвался к Дэниз, как едва оперившийся мальчик, мечтающий о первом свидании, образ новой Дэниз не выходил у него из головы, преследуя до одури, до умопомрачения. Он едва-едва дождался утра.

Утром следующего дня они взяли карету и поехали в Маргит, совсем крохотный городок, только-только получивший популярность, как место для морских купаний, и всю дорогу они говорили и говорили, иногда смолкая надолго и вглядываясь в лица друг друга. В Маргите они нашли небольшую и пустую в этот час таверну у моря и сели за стол на берегу.

И море рокотало совсем рядом с ними, как и миллион лет назад.

– Возьмём королевских омаров? – спросил капитан, он

снял треуголку и положил её рядом, на свободный стул.

Дэниз не ответила, она смотрела на него, улыбаясь, и, кажется, не могла отвести глаз. Капитан подозвал хозяина и попросил показать им омаров. Скоро слуга притащил корзину и, показывая омаров, сказал с улыбкой:

– Выбирайте! Смотрите, они все шевелятся... Совсем свежие. Ещё живые.

Капитан исподлобья глядел на Дэниз, вбирая её нежным взглядом. Та молча смотрела на омаров. Наконец, произнесла:

– Они жили в родной тине... Их схватили, увезли. Теперь убьют.

– Тогда закажем что-нибудь другое, – поспешно сказал капитан и отпустил слугу с корзиной.

Когда они сделали заказ, капитан встал и, поклонившись Дэниз, подошёл к хозяину.

– Я хочу купить у вас омаров, – сказал капитан.

Он обернулся к Дэниз от стойки и улыбнулся ей: она смотрела на него, не отрываясь.

– Сколько штук прикажите вам отварить? – спросил хозяин.

– Я возьму у вас всех, – капитан взглянул на хозяина и добавил: – И отваривать их не надо... Так сколько у вас омаров?

Хозяин стал быстро вытирать руки о фартук.

– Сегодня привезли три корзины, – пролепетал он.

– Сколько вы за них хотите? – спросил капитан и опять обернулся к Дэниз – ветер играл подолом её юбки и шевелил скатерть на столе.

Потрясённый хозяин, глаза которого, впрочем, тут же жадно загорелись, назвал цену. Капитан достал монеты и положил на стойку.

– Велите отнести омаров к морю. Хоть... Вон к тем камням, – сказал он.

– Но, сэр... Зачем?

– Я хочу выпустить их.

– Но, сэр!.. Они могут не отживеть в воде!

– Не важно. Выполняйте! – приказал капитан и вернулся к Дэниз за стол.

Хозяин заморожённо следил за ним.

У стола этот моряк, по виду – настоящий капитан, что-то сказал своей даме, и та удивлённо глянула на него. Капитан взял руку дамы, поднёс к губам, а потом решительно повёл за собой к прибою. Возле камней они остановились и, не разжимая рук и касаясь одеждой друг друга, стали смотреть в море.

Хозяин крикнул слугу и послал его в сторону камней. Слуга с вытянутым лицом потащил корзину с омарами к морю, опустил на гальку и со всех ног побежал за второй.

Капитан и Дэниз стали бросать омаров в волны. Омары были большие, чуть меньше фута². Они шевелились, ползая

---

² Фут – 30,46 см

в корзине друг по другу, топорщились клешнями, норовили ущипнуть. В воде они, замерев и покачиваясь несколько мгновений на волне бледно-рыжим тельцем, всё же шли на дно и терялись там, в темноте и мути. Выкинув почти всех омаров из первой корзины, Дэниз отошла и отвернулась, глядя в воду у камней. Капитан поддёрнул манжеты и, подняв корзину, высыпал оставшихся омаров в воду. Отбросив пустую корзину в сторону, он высыпал в море вторую, потом, чуть подальше – третью.

Они пошли назад к своему столу.

– Почему ты плакала? – спросил капитан у Дэниз.

– Ты сердишься на меня? – спросила она.

– Нет, скажи, почему ты плакала? – не отставал он.

– Не сердись, – сказала она. – Я плакала, потому что думала о тебе.

Он ничего не ответил, помог Дэниз сесть и посмотрел на слугу, который уже шёл к ним с подносом.

Обед прошёл тихо, ели они мало, они только со всё возрастающей нежностью глядели друг на друга так, что издававший виды слуга, подходивший к ним с новой переменной блюд, не смел сказать лишнего слова. Когда капитан подошёл к хозяину, чтобы расплатиться, тот, пряча глаза и ёжась от непонятно откуда возникшей вдруг деликатности, пробормотал:

– В таверне, наверху, есть комната для гостей... Она сейчас пуста.

И положил на стойку ключ.

Капитан замер и глянул на Дэниз. Та взяла ключ со стойки и сказала тихо:

– Пойдём.

Возвращались они поздно.

В карете Дэниз всё время плакала, твердила ему, что любит его и всегда любила, с самого первого дня, и что-то объясняла про своего мужа, а он, уже мечтая о новом свидании, всё целовал и целовал её мокрое лицо и умолял успокоиться. А по дороге к себе в гостиницу капитан с горечью думал, как беззащитно сейчас висел на шее Дэниз тот серебряный образок с девой Марией, который он много лет назад купил в Гаване вместе с мантильей, а потом отдал ей, как никчёмную безделицу.

Ночью ему приснился сон.

Он посадил Дэниз в карету, помог сесть и укрыл ей ноги, и уже хотел садиться сам, как кучер вдруг щёлкнул кнутом, и карета медленно тронулась. Капитан молча пошёл рядом с каретой в надежде, что кучер заметит его и остановится, но кучер не оборачивался, карета всё катилась, и капитан, держась за ручку уже закрытой дверцы кареты, пошёл быстрее, но по-прежнему недоумённо и молча улыбаясь, а скорость всё нарастала, и скоро он уже бежал, вглядываясь тихо, со щемящей надеждой в глухое, тёмное оконце кареты... Потом он споткнулся, чуть не упал и выпустил ручку, и остановился, и всё смотрел вслед удаляющейся карете, а она всё ка-

тилась и катилась так же быстро и так же беззвучно, и скоро совсем пропала из глаз, – как капитан с горечью подумал, – навсегда...

Больше с Дэниз капитан не виделся. Когда он на следующий день пришёл к ней в гостиницу, ему сказали, что леди ещё поутру собралась, оплатила счёт и спешно уехала.

Капитан пошёл к себе: в груди его было пусто, словно вырезали из неё что-то привычное вроде сердца.

****

Иногда, дорогой читатель, чтобы продвинуться в жизни вперёд, нам надо получить от судьбы увесистый пинок под зад.

И тогда мы делаем резкий скачок в своём развитии, потому что только неудачи делают нас умнее и заставляют двигаться. Удачи – оупляют: когда всё хорошо – не хочется шевелиться.

С этой поездки к Томасу в Лондон капитан стал всё чаще задумываться о своей жизни... А в жизни у него всё было, вроде бы, неплохо. Имелись, конечно, отдельные неудачи, на которые он старался не обращать внимания, и вот эти-то неудачи в один прекрасный момент весьма синергично ударили по нему со всей силой.

И не торопитесь, читатель, вбивать это слово в поисковую строку. Потому, что греческое слово «синергия», – с ударением на последний слог, – означает суммирующий эффект взаимодействия двух или более факторов, характери-

зующийся тем, что действие этих факторов в виде простой их суммы существенно превосходит эффект от каждого компонента в отдельности. Всё, как говорится, элементарно.

И вот в один, совсем не примечательный бристоольский день... А, впрочем, нет!.. День этот был примечателен тем, что семья Линч пришла в дом мистера Трелони с визитом, и мужчины как-то сразу уединились ото всех.

– Где Дэниэл? – спросила Сильвия у миссис Трелони спустя какое-то время, после того, как они в гостиной поговорили обо всех насущных делах.

– Он у Джорджа в кабинете, – ответила та и, аффектированно приподняв брови, добавила: – Они говорят о политике.

– Значит, будет крик, – сделала вывод Сильвия и вздохнула.

Но крика, что удивительно, в этот раз не было. Наоборот, джентльмены вышли из кабинета какие-то уж слишком притихшие, и воровато пряча глаза, сели за обеденный стол. За обедом они много говорили о каких-то пустяках, и даже капитан, обычно мало разговаривающий за столом, рассказал пару забавных историй из великосветской жизни Лондона, да так удивительно весело, что к концу обеда у миссис Трелони почему-то сдавило сердце тревогой. Только мужа она ни о чём не расспрашивала ни в тот день, ни позднее, боясь накликать беду на свою голову. Но беда, тем не менее, грянула, и грянула в доме капитана.

День был прекрасный, солнечный. В доме были открыты настежь все окна и двери, и капитан и Сильвия слышали, как их сын кричал в саду русскую потешку, которой капитан научил его когда-то:

*– Божия коровка улетит на небо,
Принеси нам хлеба, чёрного и белого,
Только не горелого.
Там твои детки кушают котлетки,
Сами едят, ну, а нам не дают...*

Ссора началась, как это обычно и случается во многих семьях, с пустяка – кажется, капитан отказался оплатить счета портнихи Сильвии. Сильвия ему что-то на это сказала, кажется, что другие мужья зарабатывают больше, не стесняясь способов. Капитан ей на это что-то ответил. И понеслось.

– Ты – чистоплюй! – кричала Сильвия мужу через какое-то, впрочем, не очень продолжительное время. – Ты – чистоплюй и не думаешь о своих детях!

– Я как раз думаю о своих детях! – гремел ей в ответ капитан. – Они всем обеспечены, и у них честный отец. Когда они вырастут – то не будут меня стыдиться, как сын банкира Саввинлоу... Поэтому я не буду заниматься работорговлей, продажными девками и возить опиум разным богатым бездельникам для их развлечения!

– Может, ты ещё и вино возить не будешь? – вскричала

Сильвия.

– Вино?.. – захлебнулся капитан от возмущения. – При чём здесь вино? Вино – это честная торговля!

– Да? – закричала Сильвия, уже совсем не отдавая себе отчёта. – Только не надо прикрываться честной торговлей!.. Я прекрасно догадываюсь, чем ты занимался в Китае! И в других портах! И здесь, в Лондоне!

– В Лондоне? – капитан запнулся и побледнел, он стоял перед Сильвией со сжатыми кулаками опущенных, крепко стиснутых к бокам рук и смотрел на неё страшными глазами.

Сильвия опешила. Она поняла, что сказала лишнее – в лице мужа вдруг промелькнуло что-то ужасное, нечеловеческое, таким она его никогда ещё не видела. Она поспешила улыбнуться, но было уже поздно.

– Vasto! – выдохнул капитан. – Я не буду платить по этим счетам... И лучше бы тебе сейчас мне не возражать!

Он резко развернулся на каблуках и ушёл к себе. Сильвия, рыдая, поспешила закрыться в своей комнате.

Завтрак на следующее утро прошёл тихо – супруги почти не разговаривали. И только уходя из дома, капитан остановился возле двери и сказал провожающей его Сильвии:

– У моего друга, старого штурмана, живёт попугай, которого штурман научил говорить «ты красивый» и «я тебя люблю». И попугай твердит ему это целыми днями напролёт, а штурман счастлив. Потому что человеку надо слышать хоть изредка, что его любят.

Тут капитан, сухие глаза которого плакали, улыбнулся криво и добавил:

– И что он красивый.

Не успела за мужем закрыться дверь, как Сильвия бросилась к матери за советом, ну, и чтобы попросить денег, конечно. Захлёбываясь слезами, она стала ей сбивчиво рассказывать о ссоре.

Наконец, миссис Трелони ответила:

– У меня всегда было такое чувство, дорогая, что ты всё время сердита на своего мужа.

– Мама, он со мною всё время спорит, – запальчиво закричала Сильвия, перебивая мать. – И всё время делает всё по-своему.

Миссис Трелони посмотрела на дочь укоризненно и спросила:

– Неужели ты думаешь, дорогая, что такой властный мужчина, как капитан Линч, будет тебе подчиняться и делать так, как ты велишь?

– Он меня не любит! – вскрикнула Сильвия.

– Неужели ты думаешь, что если капитан Линч влюбился в тебя когда-то, то он обязан любить тебя всегда? – удивлённо спросила у дочери миссис Трелони и добавила: – Любовь надо завоёвывать каждый день, дочка.

Тут у Сильвии презрительно задрожали ноздри, её тёмные глаза стали ещё темнее, а капризная, гордая нижняя губка стала ещё капризнее.

– Мама, у него есть другая женщина, – отчеканила она. – И не одна – я это чувствую, я всегда это чувствую... А сейчас он из Лондона вернулся сам не свой.

Миссис Трелони не знала, что ответить.

– Твой муж мог быть расстроен из-за Томаса Чиппендейла, – наконец, нашлась она. – Ты же знаешь, как он его любит.

– Ах, мама, нет... Нет, – заупрямилась Сильвия. – Это из-за женщины, я это чувствую.

Миссис Трелони замолчала. Несколько раз она порывалась что-то сказать, но каждый раз закрывала рот, а потом спросила с каким-то даже страхом:

– Но ты же не знаешь этого наверняка?

– Нет, не знаю, – прошептала Сильвия и стиснула свои руки так, что костяшки пальцев побелели. – И это самое ужасное!

И тут миссис Трелони, откинувшись на спинку кресла, сказала дочери такое, от чего та совершенно опешила.

– Дурачок, – сказала миссис Трелони удивительно снисходительным тоном взрослой, опытной женщины. – Это как раз самое прекрасное!.. Самое ужасное, если узнаешь совершенно определённо – когда перехватываешь любовное письмо или застаёшь мужа с кем-нибудь... Вот тогда! Не можешь терпеть жар, выходи из кухни. А пока...

Тут миссис Трелони оглядела дочь придирчивым взглядом.

– Ты красивая женщина, – сказала она, наконец. – Со-

берись... Удвой очарование... Будь мила и любезна. И перестань злиться. Очаруй его. Очаровала один раз – значит сможешь очаровать и в другой... И пиши ему свои просьбы: мужчины охотнее подчиняются письменным приказам. Солдаты к этому привыкли, они без письменных приказов жить не могут.

Сильвия замерла: она не ожидала от матери такой житейской мудрости.

– Пойдём в сад пить чай, – сказала миссис Трелони с улыбкой и добавила, поднимаясь: – А денег на портниху я тебе дам.

Когда дочь ушла, миссис Трелони поспешила к своей подруге миссис Уинлоу, в замужестве миссис Легг.

Виделась она с нею часто, но каждый раз про себя ахала тому, как Сара постарела, и миссис Трелони даже не догадывалась, что Сара думает то же самое про неё. И сегодня, встретившись, подруги исподтишка рассматривали друг друга, и каждая полагала, что другая постарела гораздо сильнее, чем она сама. И в этом отчасти была доля правды – ведь разглядывая себя в зеркале, мы не разговариваем, не смеёмся и не улыбаемся, а значит, не видим и не замечаем своих морщин, таких заметных у других, когда они смеются или разговаривают, не подозревая, что за ними придирчиво наблюдают... «Да-да, постарела», – думали подруги с жалостью друг о друге и улыбались участливо и особенно нежно.

В течение всего визита миссис Трелони несколько раз по-

рывалась начать разговор о неладах в семье дочери. Несколько раз порывалась, но так и не смогла – не знала, как начать. И подруги два часа проговорили о погоде и ещё о чём-то, совсем не важном.

Когда миссис Трелони ушла, миссис Легг в который раз поняла, что ей совершенно не с кем поговорить по душам о судьбе своей дочери Мэри, которая всё ещё не была замужем. Своим собственным браком Сара Легг была довольна. Джеймс Легг был добрый, умный человек и нежный муж, и миссис Легг его очень любила. Вот только она иногда думала, что, если бы муж не был врачом, всё у них складывалось гораздо, гораздо лучше.

Начать с того, что доктор Легг всё время пропадал на службе в своём госпитале с больными. И временами миссис Легг потрясённо твердила себе: «Это как надо любить всех этих людей – глупых стариков, нищих старух, избитых по пьяному делу мастеровых, беспутных модисток, чтобы так возиться с ними со всеми»... Нет, определённо, её муж – святой человек. Просто святой!

А ещё, когда в госпитале умирал больной, доктор Легг закрывался в своём кабинете и пил. И если в городе не было серьёзных и срочных больных, из-за которых он опять бежал в госпиталь, то через какое-то время миссис Легг посылала за Джеймсом Трелони. И тогда в кабинете закрывалось уже два джентльмена. Правда, они вскорости выходили, причём оба пьяные, но тоска у доктора Легга быстро проходила.

Но если бы только госпиталь забирал всё время мужа – доктор ещё никогда не отказывал в помощи морякам, а поскольку жили они возле бристольского порта, то занят он был постоянно. Вот и сегодня его позвали к матросу, который упал с верхушки грот-мачты на палубу.

Только, когда доктор прибежал на пристань, было уже поздно. Из толпы зевак к нему мелкой старческой походкой приблизился старичок Папаша и сказал с сожалением:

– А Джо Илиум отдал богу душу... Не дотерпел до вас, значит.

– Кто? – оторопел доктор Легг, отрывая глаза от воды, которую он оглядывал в поисках шлюпки с «Белого Орла».

– Да канонир ихний... С «Белого Орла», – пояснил Папаша и горестно вздохнул.

– Как ты сказал, его звали? – переспросил доктор.

– Джо, – повторил Папаша. – Джо Илиум... А что, доктор Легг?

– Странное имя, – поспешил объяснить доктор. – Вот я и спросил. А Илиум – это прозвище?

– Да кто же его теперь знает-то, – Папаша горестно pokrutil головой. – Кажись прозвище, а может, и имя.

Доктор был так потрясён, что всю обратную дорогу шёл и недоумённо взмахивал правой рукой, разговаривая сам с собою. Дома он поспешил запиской пригласить к себе мистера Трелони и капитана, извещая их о вновь открывшихся обстоятельствах.

Ближе к обеду того же дня старичок Папаша приплыл на ялике к борту «Архистар» и крикнул капитана. Капитан вышел из каюты, перегнулся через борт, увидел Папашу и воскликнул добродушно, хотя на душе у него скребли кошки:

– О, ты жив ещё, старый греховодник, не умер?

Папаша мелко затрясся от смеха, широко раскрывая рот и показывая капитану свой единственный зуб, по-прежнему торчащий во рту. Прошамкал:

– Да когда умирать-то, Дэниэл?.. Зимой – холодно, а летом – обидно, разрази меня в корму...

Капитан засмеялся и, продолжая балагурить, воскликнул:

– Тогда женить тебя надо! Во имя Пресвятой девы!

Папаша опять довольно захихикал и передал капитану письмо. Капитан бросил ему в ялик монетку и распечатал конверт. На листе почтовой бумаги почерком Сильвии было написано: «Ты красивый. Я тебя люблю!»

И морщины на лбу капитана разгладились.

Вечером Сильвия спросила мужа:

– С чего ты взял, что сын банкира Саввинлоу стыдится своего отца?

– Я это знаю, – ответил капитан.

Он знал это совершенно определённо: незадолго до ссоры с Сильвией к нему на борт «Архистар» неожиданно поднялся Роберт Саввинлоу, сын банкира Александра Саввинлоу. С первых же своих слов юноша поразил капитана.

– Я пришёл к вам, капитан Линч, потому, что вас ненави-

дит мой отец, – сказал Роберт Саввинлоу вместо вступления.

Капитан поднял брови в немом вопросе и, склонив голову на бок, с деланным вниманием уставился на Роберта. Молодой человек молчал, и капитан с интересом принялся разглядывать его: юноша был красив нарождающейся мужественностью, казалось, что вот-вот – и мужчина явственно проступит в нём.

– Я хочу стать моряком, – сказал Роберт, справившийся со своим волнением. – Возьмите меня на корабль.

Тут губы его задрожали, с него моментально слетел весь его строгий, взрослый вид, и дальше он уже совсем стал походить на ужасно расстроенного мальчишку.

– Прошу вас, – прошептал он и добавил как-то совсем уж по-детски: – Ну, пожалуйста.

– С чего вы взяли, что ваш отец меня ненавидит?.. Это – во-первых, – выговорил капитан и откинулся на спинку стула. – А во-вторых... Он вас, кажется, готовит в банкиры?

– Я не хочу быть банкиром!.. Это стыд, а не профессия! – вскричал Роберт и насупился, готовый разрыдаться, губы его опять дрогнули.

– Хорошо-хорошо, – поспешно сказал капитан и предостерегающе поднял руку. – А с чего вы взяли, что ваш отец меня ненавидит?

– Я знаю... У него даже лицо меняется, когда он слышит ваше имя, – сказал Роберт и вдруг выпалил: – И вообще, он за вами следит!

– Следит? – удивился капитан. – За мной?

– Я видел и не раз. Отец думает, что я ещё мальчишка и не скрывается от меня... А к нему ходят всякие люди и рассказывают ему о вас, а потом отец бегает по кабинету и скрипит зубами... И письма к нему про вас приходят.

– Письма? Какие письма? – спросил капитан настороженно.

– Если я вам их принесу – вы возьмёте меня на корабль? – с надеждой воскликнул юноша.

Капитан встал.

– Видите ли, Роберт... Если я возьму вас на корабль, то совсем не из-за писем, – ответил он. – И не надо мне ничего приносить.

– Так вы возьмёте? – спросил тот, и голос его опять задрожал.

– Не знаю... Юнга на судне, конечно, нужен, а на следующий рейс у меня его пока ещё нет, – сказал капитан и вдруг улыбнулся. – Вам ведь уже больше шестнадцати лет?

– Мне – семнадцать! – с пылом воскликнул Роберт. – И моя мама поддерживает моё решение.

– Что же... Я подумаю. А из маленьких желудей вырастают могучие дубы, – сказал капитан и протянул Роберту руку.

Но всего этого капитан Сильвии не рассказал, а только нежно поцеловал её запястье и ушёл к доктору Леггу.

А теперь вы спросите меня, дорогой читатель, изменял ли капитан Линч своей жене?

Ну, понимаете... Как вам сказать... Капитан, конечно, любил свою жену! И она у него была, безусловно, очень красивая женщина! Но... Боже мой! Но не могло же его пылкое сердце перестать биться! Это, может быть, когда-нибудь, конечно, и случится ... Но не сейчас. Нет-нет, сейчас капитан был ещё жив!

И вообще, зачем вы об этом спрашиваете? Ведь вы же умный человек!

****

Вечером этого шумного и такого насыщенного разными происшествиями дня доктор Легг, капитан, мистер Трелони и Платон сидели вчетвером в кабинете доктора, попивая португальское вино.

После рассказа доктора Легга о погибшем матросе и его странном имени, джентльмены какое-то время потрясённо молчали, потом капитан решительно сказал, вставая:

– Я завтра же попрошу разузнать об этом матросе одного ловкого человека – некого мистера Эрроу... Вы его, наверное, помните, господа. Он мне иногда оказывает кое-какие услуги.

Мистер Трелони утвердительно покивал, а потом почему-то вдруг спросил у всех:

– Джентльмены, а вы помните нашего гвинейского телёнка?.. Ну, которого капитану подарили?

– Ещё бы, Джордж, не помнить, – ответил доктор Легг. – Ведь он был к вам так нежно привязан.

– Кто нежно привязан? Капитан или телёнок? – спросил Платон со своего места в дальнем кресле.

Доктор первый прыснул от смеха, а когда общее оживление утихло, он ответил:

– Телёнок, конечно... У него сейчас, наверное, огромные рога... Лирообразные.

Тут доктор посмотрел на Платона и сказал ему строго:

– Я говорю о телёнке, принц... Рога – у телёнка.

Платон, как обычно, улыбался во весь толстогубый рот, а капитан сказал спокойно, не обращая внимания на разъяснения доктора про рога:

– Да, у него огромные рога могли вырасти.

Потом он потёр пальцами порезанный бритвой подбородок и добавил отрывисто, перекатившись с носок на пятки:

– Если его не съели, конечно.

– Нет, фульбе совсем не едят говядину, – авторитетно заверил всех мистер Трелони. – Они её копят на чёрный день.

– Ну, тогда его продали кому-то или променяли, и те его съели, – сказал капитан, он сел и пригубил вино из своего бокала.

– Нет, Кузнец не продаст, – уверенно отрезал доктор.

– Если его самого не съели, – сказал капитан, снова сделав глоток из своего бокала.

Все замолчали, вспоминая события почти пятилетней давности. Потом капитан спросил у мистера Трелони:

– Вы давно не получали известий от дона Родригу?

– Он недавно писал ко мне, – ответил сквайр. – Он любил ходить с капитаном Перэ на скалы и наблюдать чаек.

Потом сквайр произнёс в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием свечей:

– Вы ещё не знаете, Дэниэл... Но у меня опять началась лихорадка.

Капитан встревоженно посмотрел на сквайра, пытливо взглядевшись в его бледное, почти восковое лицо.

– И какая-то странная лихорадка, я не знаю, как это понимать, – огорчённо пояснил доктор и тоже замолчал.

– Столько лет было всё тихо, а этой весной начались приступы, – опять заговорил сквайр. – Причём странная такая регулярность – как увижу воду.

– Какую воду? – ошеломлённо спросил капитан.

– Любую... Пруд, реку, озеро... Как увижу пруд, например, – пояснил мистер Трелони.

– А море? – спросил капитан. – После моря лихорадка начинается?

– После моря – нет, – ответил сквайр задумчиво.

– А после океана? – быстро спросил капитан и хитро прищурился.

– А после океана – не знаю, надо попробовать, – ответил сквайр и тоже хитро заулыбался.

– Что это вы собрались попробовать, джентльмены? – спросил доктор Легг подозрительно.

– Океан, дорогой доктор... Атлантический океан, – отве-

тил ему капитан.

Но ответил он так щемяще, что у доктора Легга перехватило дыхание.

– На проверку очередной координаты? – низким, взволнованным голосом спросил он.

– Да, доктор, – выдохнули капитан и сквайр почти одновременно.

Сквайр порывисто отставил свой бокал на столик, стоящий рядом с ним. Бокал звякнул о пепельницу, и доктор Легг невольно перевёл на неё взгляд: на краю пепельницы цветастые пастушок с пастушкой танцевали жигу – им было весело.

– Куда мы пойдём в этот раз? – вдруг спросил доктор и тоже отставил свой бокал.

– Так вы с нами, Джеймс? – спросил мистер Трелони и откинулся на спину кресла. – А мы с Дэниэлом всё спорили-спорили.

– С вами... Конечно же, с вами... И чёрт с ним, с сокровищем! Главное, что с вами, – ответил доктор и пояснил: – Я думаю, нам будет весело.

****

На следующий день капитан встретился с мистером Эрроу в портовой таверне Усатой Пруденс, которая была жива и здорова и даже раздобрела ещё больше.

Нрав её с возрастом не поменялся, а был всё так же гневлив. Подлетев к капитану, своему любимцу, она улыбалась

железными зубами, среди которых явственно чернели дыры от выпавших своих зубов.

Капитан сел напротив мистера Эрроу и пытливо взгляделся в него. Ловкий человек был всё такой же высокий и поджарый, только, может быть, бритое белое лицо его, длинное и узкое, стало ещё суше, а колючие глаза – ещё более колючими. Когда капитан рассказал, ради чего он пригласил его на встречу, глаза мистера Эрроу хищно блеснули и тут же прикрылись веками. Выслушав задание, ловкий человек обещал в скорости за него взяться.

Через неделю мистер Эрроу известил капитана письмом, что о канонире с «Белого Орла» Джо Илиума никто ничего не знает: на «Белый Орёл» канонир нанялся совсем недавно, писем никому не писал и ни от кого не получал, с собутыльниками был неразговорчив, постоянной женщины на берегу не имел. Где он служил ранее – тоже не было известно, а наняли его на «Белый Орёл» без рекомендации вместе с кучей таких же бродяг в виду острой нехватки матросов.

Прочитав письмо, капитан приподнял белёсые брови, от чего на лбу его образовалась продольная морщина и, порвав письмо на мелкие кусочки, бросил в мусорную корзину.

Через два месяца шхуна «Архистар» после сборов, – по саркастическому выражению доктора Легга, – неудержимых и стремительных, как понос, подняла якорь и ушла из Бристоля. Перед самым отплытием капитану Линчу на борт доставили письмо от жены.

В письме было написано всего две строчки: «Ты уплываешь и увозишь с собой моё сердце. И всё время, пока тебя не будет, я в Бристоле буду мёртвая... Возвращайся скорее. Всегда твоя С. Л.»

****

Глава 2. Снова вдаль

«Архистар» бежала по волнам.

Было пасмурно, и только далеко на горизонте, среди свинцовых туч, ярко светилась длинная щель заката. Где-то на высоте, там, где ветер дул сильно и вольно, хлопал парус. Шхуна скрипела и била корпусом в волну. Доктор Легг и Платон тихо разговаривали о медицине, стоя в стороне на квартердеке³. Мистер Трелони молча слушал их и, особо в разговор не вникая, изредка поглядывал на капитана.

– Привозят к нам недавно пожилую леди, семьдесят один год, – вдруг сказал доктор таким безжизненным голосом, что сквайр невольно прислушался. – Боли в правом подреберье, тошнота, одноразовая рвота, температура тридцать семь и восемь. Заболела двенадцать часов назад, и как она думает, в связи с нарушением диеты... Говорит, что желчнокаменная болезнь мучает её уже лет шесть... Умеренный дефанс в правом подреберье.

– Болезненность? – спросил Платон.

– А как же... В той же области, – ответил доктор и утвердительно склонил голову. – Симптомы Мерфи и Кера.

– А Ортнера? – поинтересовался Платон.

---

³ Квартердек – помост либо палуба в кормовой части парусного корабля, на один уровень выше шкафута, где обычно находился капитан, а в его отсутствие – вахтенные или караульные офицеры.

– Слабоположительные... Пузырь не пальпируется, – ответил доктор и угрюмо посмотрел на небо в сторону заката. – Ну, начал консервативное лечение... Никаких улучшений, даже хуже. Еле-еле уговорил леди на операцию.

– Прооперировал? – удивлённо переспросил Платон.

– Угу, – брюзгливо подтвердил доктор и, ухватившись за свой рыжий бакенбард, добавил: – Пошёл правым подрёберным доступом. И под печенью, в спайках, нашёл гангренозный аппендицит. Ещё бы чуть-чуть – и леди финиш.

– Ну и... – переспросил Платон, по тону доктора понимая, что это ещё не конец истории.

– Ну, и потом бабуля неделю меня костыляла по-всякому... Почему я ей не удалил желчный пузырь, – ответил доктор.

Платон захохотал. Доктор Легг угрюмо, исподлобья смотрел на него какое-то время, а потом расхохотался тоже, присев в коленях и хлопнув себя по ляжкам. Так они и стояли, и смеялись всё громче и заливистей.

Мистер Трелони сдержанно улыбнулся и подумал, что координата № 7 ($13^{\circ}22'40''W$, $49^{\circ}59'47''N$ – север Атлантического океана у берегов Ирландии), которую они сегодня прошли, им тоже ничего не дала. Океан у берегов Ирландии не таил в себе никакой видимости кладов... Ну, если только на дне, как сразу и предупреждал капитан... Так что никто ни на что особо не надеялся, вот только доктор Легг ещё больше помрачнел, но все понимали, что это он скучает по своей

больнице и своим больным.

Мистер Трелони пытливо посмотрел на море. Он только сегодня вышел на палубу: первые дни плавания море было беспокойно, и он предпочитал отлёживаться в своей каюте, опять с непривычки испытывая приступы морской болезни.

Капитан от штурвала покосился на него и спросил:

– Как вы себя чувствуете, сэр?

– Я чувствую себя викингом, плывущим по северной части Атлантического океана, – бодро отрапортовал сквайр.

Доктор и Платон, всё ещё от души улыбаясь и переглядываясь между собой, приблизились к капитану, ожидая его ответа.

– По моему глубокому убеждению, они плавали именно в этих водах и первыми открыли Гренландию, Лабрадор и берег Американского континента, который называли Винландом, – сказал капитан. – Мы фактически плывём их маршрутом...

– На Винланд, – уточнил доктор.

– Да, джентльмены, – подтвердил капитан. – Но в залив святого Лаврентия через пролив Кабота мы не пойдём. Там очень много французов... Ну, а про Джона Кабота вы, конечно, знаете.

Мистер Трелони и доктор кивнули головами, а Платон сказал:

– Я не знаю.

Мистер Трелони оторвал взгляд от моря и спросил:

– Я расскажу?

Никто не возражал, и сквайр стал рассказывать:

– В мае 1497 года генуэзский капитан Джованни Кабото, на английский манер именуемый Джоном Каботом, был нанят бристольскими купцами для исследования северного пути в Китай... Его корабль назывался «Мэтью». На борту было всего восемнадцать человек экипажа – судно было явно разведывательное. Почти через месяц Кабот достиг Северной оконечности острова Ньюфаундленд...

– То есть, территории современной Новой Франции⁴, – подсказал доктор Легг и с поклоном протянул руку к сквайру, приглашая его продолжить свой рассказ.

– Кабот высадился на берег и объявил открытую им землю достоянием английской короны, – сказал мистер Трелони, неодобрительно глянув на доктора. – Продолжив свои поиски, он ни золота, ни пряностей не нашёл...

– Открытая земля была сурова и неприветлива, – замогильным голосом произнёс вдруг развеселившийся доктор Легг.

Сквайр опять неодобрительно посмотрел на доктора, потом сделал шаг мимо него, взял Платона за руку, потянул его в сторону и, встав к доктору спиной, стал торопливо рассказывать дальше:

– Но в этой экспедиции и была открыта знаменитая ньюфаундлендская банка – огромная отмель с неисчислимыми

---

⁴ Новая Франция – территория современной Канады.

запасами рыбы. Проведя около месяца на новых землях, Кабот повернул корабль назад в Англию, куда благополучно и прибыл в начале августа того же года...

Тут доктор Легг поднялся на цыпочки и, потянувшись через мистера Трелони как мог дальше, быстро сказал Платону:

– Но докладывать королю Генриху VII было особо нечего: населения почти не было, никаких китайских сокровищ тоже... Была одна рыба и пушнина. И всё-таки вторая экспедиция Кабота состоялась, правда сам Джон Кабот вскоре умер при туманных обстоятельствах, и командование флотилией перешло к его сыну, Себастьяну Каботу... И эта экспедиция прошла фактически до Флориды и даже вернулась обратно.

Мистер Трелони, уже давно повернувшийся к доктору лицом, стоял и молча сверлил его глазами.

– Мистер Легг, – наконец, тихо выговорил он. – Соблагодолите посмотреть вон в ту сторону.

Сквайр указал на горизонт, где дневное светило почти коснулось края моря.

– А что такое, мой друг? – удивлённо спросил доктор, оглядываясь. – Ну, солнце почти село.

– А то, что я не буду с вами пить сегодня вечерний чай, – проговорил сквайр обиженно и поджал губы.

На лице доктора Легга появилось явное огорчение.

– Да ладно вам, Джордж, – сказал он примиряюще. – Я же пошутил... Ну, что вы, право.

Мистер Трелони с тем же обиженным видом решительно стал спускаться с четвердека. Доктор Легг, постояв мгновение, бросился его догонять.

– Джентльмены! – крикнул им в спину Платон, чёрное лицо которого выражало крайнюю досаду. – Но почему же всё-таки открытые земли теперь называются Новая Франция?

Мистер Трелони и доктор даже не обернулись в его сторону. Платон с возмущением повернулся к капитану, который смеялся, на всё это глядя.

– Давай, Платон, я тебе доскажу эту историю, – сказал капитан и крикнул рулевого Скайнеса себе на смену.

Когда рулевой подбежал к ним, капитан задал ему курс и отошёл с Платоном от штурвала.

– А надо сказать, что в те времена все открытия новых земель были страшной государственной тайной, – стал рассказывать капитан. – Их хранили в секрете от нежелательных конкурентов... Вот почему так мало документальных источников и о плавании Колумба, и об открытиях Каботов. К тому же в Англии, узнав, что открытые земли – это не сказочный Китай, испытали разочарование... Но постепенно это чувство сменилось живейшим интересом, ведь португальцы и испанцы приводили с Карибских островов корабли, гружёные золотом и серебром.

Повторное открытие ньюфаундлендских земель произошло во времена правления французского короля Франциска I. В 1534 году французский мореплаватель Жак Картье воз-

двиг крест на мысе Гаспе и провозгласил эти земли французскими. Первые французские попытки колонизации этих земель оказались неудачными... Но постепенно французские рыбаки, плавая вдоль северо-восточного побережья североамериканского континента и заплывая в реку Святого Лаврентия, наладили контакты с местными индейцами алгонкинами и монтанье, которые воевали с ирокезами.

В 1608 году французы основали здесь поселение-порт Квебек. Желая приблизить Новую Францию по значимости к английским колониям в Америке, кардинал Ришелье в 1627 году даже создаёт Компанию Новой Франции, но в 1663 году король Людовик XIV упраздняет Компанию и приступает к управлению колонией сам... Историю с «дочерьми короля» ты, наверняка, слышал?

Платон заулыбался и кивнул, и капитан продолжил:

– Так вот, вопреки молве, женщины, посланные королём-Солнце для того, чтобы они вышли замуж за французских колонистов, не были ссыльными проститутками... Тех ссылали на Гаити... А «дочери короля» были очень достойные женщины и девушки. Среди них была даже одна дворянка.

Какое-то время капитан и Платон многозначительно улыбались друг другу, потом капитан добавил:

– И всё это время английские колонисты с юга устраивали набеги в долину реки Святого Лаврентия. Так что и сейчас, ты знаешь, там идёт война между нашим государством

и Францией, которая неизвестно, когда кончится... В народе её уже прозвали «война короля Георга».

– Ну, а мы? – настороженно спросил Платон.

– А мы действуем по уже утверждённому плану, – ответил капитан. – Идём в Гудзонов залив... Там обосновалось много английских поселенцев. А Гудзонов залив, не гляди, что называется заливом – он в два раза больше Балтийского моря. Сам увидишь. В него выходит множество рек западных земель Новой Франции, не имеющей выхода к морю.

Капитан замолчал, задумчиво погладил подбородок, потом опустил руку и сказал:

– Нам бы, конечно, надо высадится восточнее, где-нибудь у Нью-Йорка, но ты сам понимаешь... Вдруг нас там всё ещё ищут?.. Хотя времени прошло много.

Капитан мрачно улыбнулся и замолчал.

Между тем совсем стемнело. Юнга Роберт Саввинлоу принёс на квартердек зажжённый фонарь, а следом за ним кок Пиррет, доктор Легг и мистер Трелони вынесли на палубу подносы с чаем и поставили их на ступеньках мостика – по сложившейся уже давно традиции вечерний чай был с ромом. Тут как раз подошёл штурман Пендайс, и джентльмены разобрали кружки.

Неожиданно доктор Легг, словно продолжая прерванный разговор, спросил у капитана:

– А если он нас не будет ждать в той бухте?

– Будет, – уверенно ответил капитан. – А если не будет

– придумаем что-нибудь... Не волнуйтесь, доктор, всё будет хорошо. Быстро придём на место, быстро посмотрим – и быстро назад... Всё очень легко и просто.

Доктор упрямо переспросил:

– Нет, капитан! А если всё же он нас не будет ждать в той бухте?

– Ах, доктор, не нервничайте, – успокоил его сквайр. – Вы всегда и во всём полагаетесь только на себя и считаете, что всё в этой жизни зависит только от вас.

– Конечно, а как же иначе? – спросил доктор.

– Вы совсем не думаете о Провидении, – ответил сквайр. – Успокойтесь и предоставьте Провидению позаботиться о вашей жизни.

Доктор скептически фыркнул и отвернулся.

****

Капитан стоял на каменном островке у самого гребня огромного водопада.

Прямо у его ног широкая река разделялась на две протоки и гигантским уступом надламывалась в сторону какого-то индейского озера, едва различимого за клубами брызг. Он стоял и смотрел, как река падает в бездну, каждую секунду сбрасывая на дно колоссальные массы воды, как она, достигнув выбитой за миллионы лет каменной чаши, беззвучно беснуется там сумасшедшими пенными водоворотами. Воздух вокруг, словно туманом, был пронизан водяной пылью, и в этом тумане почти перед его лицом висела, вырастая из

пропасти, бесконечная разноцветная радуга, и он словно бы плыл в ней, паря над водопадом – его плащ и волосы, и вся его одежда были насквозь мокрыми... «Грохочущая вода»⁵. На индейском наречии эта река называется Грохочущая вода», – подумал он и проснулся.

Капитан встал и пошёл проверить вахтенных. Небо уже посветлело. Открытая Атлантика мерно качала шхуну на своей широкой груди. Бушприт ритмично вздымался и опускался, брызги и ключья пены взлетали до полубака. Ветер был такой, что шхуна несла на себе почти все паруса, но вот ветер стал заходить навстречу «Архистар»... «Надо пойти другим галсом»⁶», – машинально, всё ещё находясь во власти сна, подумал капитан.

Держать ветер и не терять ни одной мили, шхуна должна идти так, чтобы всё время приближаться к своей цели – в этом и заключалось для капитана высочайшее искусство хождения под парусами. Он никогда не медлил в ожидании, что ветер опять поменяется и снова зайдёт с прежних румбов⁷. Конечно, это означало для команды более частые манёвры парусами, но команда знала, что капитан ведёт их на-

---

⁵ «Грохочущая вода» – река Ниагара.

⁶ Галс – движение судна относительно ветра или отрезок пути, который проходит парусное судно от одного поворота до другого при лавировке.

⁷ Румб – направление из центра видимого горизонта к точкам его окружности. Весь горизонт, таким образом, делится на 32 румба. Румб обозначает также угол между двумя ближайшими целыми румбами. В наше время счёт идёт не на румбы, а на градусы.

меченым курсом, а значит, у них обязательно будут заработки: капитан Линч считался у матросов баловнем судьбы.

Вот и сейчас на палубе раздались крики команды и приглушенный топот многочисленных ног. Скоро «Архистар» сменила галс.

Капитан пошёл к себе.

****

...каждый матрос знает, что, когда корабль лежит на курсе, и команде делать особо нечего, боцман всегда найдёт матросам занятие. Черновая отрожка палубы, разделка швов под конопатку, перекрутка и витьё пряжей работы, как известно, производятся матросами под руководством опытного корабельного плотника.

Каждый матрос знает: корабельный плотник всегда объяснит ему, что бимсы изготавливаются по шаблонам, а площадки, настилы, рыбины в трюмах, подмости, подушки на буи, подножные решётки делаются из твёрдых пород древесины и никак не иначе...

Сейчас с самого утра ветер дул неизменный, и боцман Гант выделил корабельному плотнику несколько матросов, чтобы те помогли плотнику сделать ватервейсы и прямые планшири, и матросы строгали и пилили на палубе, причём с большим удовольствием, потому что испокон века работа с деревом у всех без исключения мужчин вызывает особое удовольствие.

За работой матросы пели и рассказывали всякие байки о

торговых портах и гаванях всего Мирового океана, о штормах и гигантских морских чудовищах, так что вскоре вокруг них собралась вся незанятая часть вахты. Даже джентльмены, стоя у четвердека, невольно прислушивались к разговорам команды, с интересом поглядывая в ту сторону.

Доктор Легг первым заметил, как разговор от Мирового океана резко вильнул в сторону и перешёл к вопросу, который всегда интересует всех без исключения мужчин – к вопросу о женщинах. Он прислушался и подошёл поближе, увлекая за собой капитана и сквайра: матрос Дик Ривз, высокий и статный малый, балагур и любимец команды, делился со всеми своими впечатлениями о своём последнем свидании.

– Мой дружок уже был в её руке, – говорил матрос Ривз под общий хохот. – Как вдруг...

Мистер Трелони растерянно заулыбался. Доктор нахмурился. Капитан увидел, как юнга Роберт, стоявший в толпе вместе со всеми, поморщился и посмотрел в сторону.

– Дик! – позвал капитан матроса, а когда тот подбежал к нему, сказал тихо: – Совсем не обязательно об этом рассказывать в таком духе. Ведь там, на берегу, в это время с женщиной, тебе было не до смеха? Зачем же ты теперь себя порочишь, рассказывая всякие скабрёзности?.. А теперь позови боцмана.

Матрос, на котором лица не было от смущения, бросился со всех ног за боцманом. Джентльмены молча смотрели на

капитана, и тот, отведя взгляд, пояснил неохотно:

– Мне не хотелось бы, чтобы наш юнга испортился раньше времени.

– Корабль – не место для прогулок стыдливых барышень, – напомнил капитану сквайр.

– Согласен, только мальчишка уж больно славный, – ответил капитан, почти оправдываясь. – Пусть таким и останется, как можно дольше.

Юнга Роберт Саввинлоу в этом своём первом плавании нёс тяготы морской службы почти наравне со всеми матросами – боцман Гант ему поблажек не давал, ну, если и давал, то самую малость. Юнга Роберт стоял вахту на руле, был вперёдсмотрящим, учился определять компасный курс и выполнять команды на швартовку и постановку на якорь. Навыки работы с такелажем⁸ и парусами он осваивал под присмотром Платона, и тот скоро стал говорить капитану, что салага их во время шторма не подведёт. Ещё Платон учил Роберта стрелять из лука, но основная работа юнги была всё-таки вахта на камбузе, где по-прежнему командовал кок Пиррет.

Кок Пиррет в этот рейс собрался с трудом, да и то только потому, что ему был обещан в помощь юнга. Было Пиррету уже лет шестьдесят – немаленький возраст для моряка на парусном судне, и штурман Пендайс не раз напоминал капи-

---

⁸ Такелаж – общее название всех снастей на корабле (или вооружение только отдельной мачты) для крепления рангоута и управления им и парусами. Бывает стоячий (снасти для закрепления неподвижных элементов рангоута) и бегучий (тросовая оснастка корабля).

тану про это. С возрастом кок растерял последние волосы, похудел и осунулся, и уже никто из матросов не называл его Обжорой. Но кормёжкой его команда была по-прежнему довольна.

Штурман Пендайс, правая рука капитана, был всё такой же – коренастый и загорелый, с бритым лицом и двумя серебряными потемневшими серьгами в ушах. Тёмные волосы и брови штурмана уже тронуло сединой, но из-под этих бровей по-прежнему жёстко смотрели серые глаза, а твёрдо очерченный рот так же редко улыбался, и так же упоённо штурман любил разные финансовые, как он говорил, «манипуляции», честные и не очень.

Сейчас штурман стоял у правого борта с юнгой Робертом и рассказывал ему про море Лабрадор, которое они пересекали.

– Море Лабрадор – это часть Атлантического океана, и отделяет оно полуостров Лабрадор от острова Гренландия, – говорил штурман. – И это море открывает путь на север. Сначала через Девисов пролив, а затем через море Баффина можно добраться до самого окраинного моря Северного Ледовитого океана, разрази меня гром.

– А вы там плавали? – спросил Роберт ломким от волнения голосом.

Штурман Пендайс посмотрел в восторженные карие глаза юнги и ответил веско:

– Много раз.

Тут штурман покосился направо и налево, ошарашенно потёр свою массивную нижнюю челюсть, крикнул и продолжил как-то не вполне уверенно:

– Да и климат, что ты скажешь, здесь удобным для навигации не назовёшь... Море Лабрадор покрыто льдом с декабря по июнь, а с Гренландии в море спускаются тысячи айсбергов... И тут уж смотри в оба, чтобы не попасть айсбергу по курсу... Ведь тогда – кричи «палундра»⁹ морским гадам.

Глаза Роберта расширились, он покраснел от возбуждения и закусил губу.

– Да не дрейфь, юнга, – сказал штурман Пендайс низким голосом и шутливо ткнул Роберта в живот большим пальцем. – Это корабль на дно майнует¹⁰, а не экипаж.

Роберт тряхнул головой и спросил:

– А вы с айсбергами сталкивались?

Штурман Пендайс открыл, было, рот и опять глянул в глаза Роберту. Глаза юноши смотрели на него доверчиво, но в то же время так пытливо, словно спрашивали они у собеседника: а ты честный человек?

Штурман решительно закрыл рот и отрицательно покачал головой.

– Нет, мне не приходилось, – проговорил он сдавленно. –

---

⁹ Палундра, полундра, фалундер (Stand from under) – окрик, которым предупреждают стоящих на палубе людей, чтобы они посторонились от падающего сверху предмета.

¹⁰ «Майна» – (трави, опускай) термин, применяемый при погрузке судов.

Бог миловал.

Какое-то время он молчал, скрёб ногтями свою щетинистую щеку, потом пробормотал вдруг удивлённо себе под нос:

– Вот чума!

Но когда штурман снова заговорил, то голос его уже звучал спокойно и раскованно.

– Но рыбы зато здесь – великое множество, – сказал он. – Лосося, атлантической сельди и трески... В лабрадорских водах тьма-тьмущая тюленей и сейвалов. Ивасёвых китов... Сам увидишь... Их легко узнать по очень высоким спинным плавникам.

– А мы с ними не столкнёмся? – спросил Роберт.

– Нет, куда там, – ответил штурман. – Они к себе не подпускают... За сейвалом измотаешься гоняться. Он мало времени бывает на поверхности, к тому же быстр и изворотлив... Просто скаковой жеребец, а не кит.

Тут раздался голос вперёдсмотрящего, который закричал:

– Киты по левому борту!

– А ну, посмотрим... Сейчас я вынесу трубу, – сказал штурман Пендайс Роберту и враскачку, не держась за рейлинги руками, поспешил к себе в каюту.

Вернулся он к юнге с трубой довольно быстро. Они встали по левому борту, скоро к ним присоединились мистер Тре-лони и доктор Легг со своими зрительными трубами. Незанятые матросы вахты сгрудились по соседству. Все изучали

море. Первым китов обнаружил штурман Пендайс:

– Вон там фонтан, видите? – крикнул он и показал всем рукой направление. – Да это же сейвалы, будь я проклят!

– А не финвалы? – с видом знатока спросил доктор Легг и со значением прищурил кошачий глаз, повернувшись к штурману.

– Никак нет, сэр, – ответил штурман укоризненно. – По фонтану же видно, что сейвалы.

– Ну, если по фонтану, – согласился доктор и опять уставился в море.

И тут штурман Пендайс сказал Роберту, протягивая ему трубу:

– А ну, юнга, дуй на фок-мачту¹¹!.. Из бочки всё лучше видно!

Роберт схватил зрительную трубу, закрыл её, закинул на ремне через плечо и бросился к фоку. Матросы тоже полезли на мачты.

Море сегодня было почти спокойное, небо чистое, и когда сейвалы проплывали рядом со шхуной на поверхности, Роберт видел в трубу все детали их мощного тела – удлинённой формы рыбовидное туловище, сухощавое, поджарое, с тёмно-серой спиной, с изящной и гибкой линией хвоста и заострёнными грудными плавниками. На спине китов ясно виднелся, красиво выделяясь над водой, правильно изогнутый и довольно высокий, – более двух футов, – плавник, который

---

¹¹ Фок-мачта – самая первая мачта корабля.

был темнее, чем спина. По спине и бокам сейвалов шли белые и светло-серые пятна. Роберт различил даже, что у одних брюхо было розоватое с белым, а у других – голубое. И они глубоко ныряли – Роберт видел на глубине их большие тела, несущиеся под водой, как стремительные призрачные тени.

– На них охотятся? – спросил он у вперёдсмотрящего.

– Не-а, – ответил матрос, не переставая вглядываться в море впереди по курсу. – Жира у них мало, меньше, чем у других китов, а попасть в них гарпуном труднее... Уж больно быстры.

– Ну и славно, – ответил Роберт, снова вглядываясь в резвящихся сейвалов. – Уж очень они хороши.

И тут вдруг вперёдсмотрящий, оглушив Роберта, изо всей мочи заорал:

– Парусник на горизонте!

– Где? – донёсся до Роберта крик штурмана.

– В трёх румбах по нашей правой скуле! – выгибаясь от натуги, проорал вперёдсмотрящий и указал рукой направление.

Роберт, закрыв трубу, собрался спускаться вниз, но вперёдсмотрящий доверительно остановил его:

– Оставайся... Сейчас мы сменим курс. Лучше нам ни с кем не встречаться.

****

Гудзонов залив, самое обширное внутреннее водное пространство в мире, является, дорогой читатель, частью Север-

ного Ледовитого океана, и он более полугода скован льдами.

Через Гудзонов пролив Гудзонов залив связан с Атлантическим океаном, а на севере, через сложную сеть проливов в Канадском Арктическом архипелаге, Гудзонов залив соединён с открытой частью Арктического бассейна. Эти проливы доступны для судоходства всего в течение трёх месяцев в году. В остальное время года они забиты дрейфующими льдами.

Здесь бывают частые туманы, а бури затрудняют навигацию даже поздним летом. Специалисты говорят, что быстрому замерзанию воды способствует её низкая солёность, и по всему заливу поэтому дрейфуют самые разнообразные льды – льды из самого залива, льды из Северного Ледовитого океана и льды, принесённые сюда из многочисленных окрестных рек.

Залив огромен, но мелок: максимальные глубины протянулись через середину залива с юго-запада на северо-восток. Берега здесь – повсеместно извилистые и низкие, и лишь на северо-западе полуострова Лабрадор находится скальная береговая гряда. Зимой температура воздуха над заливом опускается до -40°C . Северные берега Гудзонова залива – это бескрайняя арктическая тундра. На юге залива протянулся пояс северных хвойных лесов. Восток залива – это край высоких скалистых утёсов, а на западе Гудзонова залива раскинулись болотистые равнины, по которым с сентября по ноябрь бредут к замерзающим водам залива белые мед-

веди, чтобы охотиться на тюленей...

Приблизительно так о Гудзонове заливе рассказал джентльменам капитан за вечерним чаем недели через две плавания.

– Хорошенький же здесь климат, – подытожил мистер Трелони.

– Да уж не Африка, – подтвердил капитан. – Но эти земли тоже славятся обилием рыбы и диких дверей.

– Значит, будем охотиться, – сказал доктор и довольно потёр ладонью об ладонь.

– Да уж, конечно... На белых медведей, – саркастически хмыкнул мистер Трелони.

– А что? – задорно ответил доктор и вдруг осёкся, увидев суровое лицо капитана. – Ну, хорошо... Пусть не на белых, они очень большие и страшные, а на других медведей другого цвета.

– Да, говорят здесь весьма медвежисто, – хрипло отозвался штурман.

И тут вперёдсмотрящий из бочки крикнул:

– Киты по правому борту!

Джентльмены оглянулись, выхватили свои подзорные трубы, закрутили головами и сначала почти ничего не увидели. Дни в последнее время стояли холодные и туманные, а сейчас к тому же стало темнеть. Вода казалась свинцовой, и по этим свинцовым волнам едва тащилась «Архистар». За ней гнался туман. Он плотной стеной тянулся за шхуной по мо-

рю, норовя поглотить её.

Тут вперёдсмотрящий снова крикнул:

– Киты по левому борту!

Джентльмены бросились к левому борту. А потом они увидели или, скорее, поняли, что «Архистар» буквально ввалилась в скопление китов. Киты ходили вокруг шхуны группами по четыре-пять голов в каждой, и были они удивительно спокойны и непугливы, они просто не обращали на шхуну никакого внимания, и было их страшно много на этом небольшом пространстве моря.

– Чёртова задница! – потрясённо воскликнул штурман. – Да этих финвалов голов триста!

Капитан приказал обстенить паруса, и шхуна медленно встала, а когда топот ног команды стих, джентльмены услышали китов. Именно слышали, только это был не рёв и не голос китов, а скорее их могучее фыркание – очень характерный и довольно сильный звук, напоминающий звук выпускаемого под большим давлением пара. Эти звуки окружали шхуну со всех сторон и ясно слышались в густеющем тумане.

– Первый фонтан, который выпускает финвал или, как по-другому его называют, сельдяной кит после длительного погружения – самый мощный, – сказал капитан. – И напоминает он довольно стройную колонну высотой до тридцати футов, расширяющуюся в верхней части. Длится такой выдох до пяти секунд. В спокойном состоянии сельдяной кит выпускает до шести таких выдохов с интервалом до шестнадца-

ти секунд и находится он у поверхности до двух минут.

Тут капитан покосился на явно взволнованного штурмана и сказал:

– Я думаю, мистер Пендайс, этим китам нет до нас никакого дела... Они, скорее всего, кормятся рыбой... Перестаньте беспокоиться... Я уверен, что они нас не потопят.

– Но, сэр, – начал, было, говорить штурман.

– Ну что мы можем сделать? Взлететь? – перебил его капитан. – Они окружили нас и взяли в кольцо... Ну, прикажите принести побольше фонарей на палубу.

– Ах, сэр, в том-то и дело, что ничего не можем сделать, – жалобно проговорил штурман. – Сколько добра в море пропадает... Ведь какая манипуляция, а?

И штурман Пендайс бросился выполнять приказание. Скоро шхуна осветилась так, как никогда, наверное, до этого не освещалась. Зрелище получилось необыкновенное. И вокруг призрачно освещённой шхуны кругами ходили киты – это было видно в наступающих сумерках, когда небольшой ветер разгонял туман. Финвалы ныряли, показывая голову, гладкую круглую спину со спинным плавником, они выгибали всё тело, выгибая хвост, но не вытаскивая из воды его лопастей, и хвостовой стебель медленно исчезал в воде, словно вращаясь. Перед нырянием они делали последний продолжительный вдох, набирая запас воздуха.

Поднимались на поверхность финвалы очень отлого, выставляя напоказ, в одной плоскости, всё своё огромное те-

ло, но ещё раньше, чем появлялась голова, появлялся фонтан воды и воздуха, и только потом показывалась верхняя часть головы с открытыми дыхалами и верхняя часть спины. На поверхности моря, вдохнув свежего воздуха, они двигались плавно, и все их движения были наполнены удивительно естественной грацией, а рядом ныряли, вздыхали, поднимались и исчезали в тумане другие такие же киты.

– Какие удивительные животные, – зачарованно прошептал мистер Трелони.

Ему никто не ответил. И тут со стороны квартердека они услышали хриплый голос штурмана, который напористо говорил кому-то:

– Дурья башка... Да сало кашалота гораздо толще и твёрже, чем сало полосатика.

– Зато финвал крепче на рану, – задорно ответил штурману боцман Бен Гант.

– Да твой финвал сразу тонет после загарпунивания, как отдаст концы, – явно горячась, вскричал штурман.

– Зато из его хвостовых плавников получается отменное заливное, – не сдавался боцман.

– А кашалот, мать твою так! – вскричал штурман Пендайс, он замялся, видимо, не зная, что ещё сказать, наконец, нашёлся с ответом и выпалил: – А кашалот красив, как новая посудина с золотом в трюме.

Боцман на это уже ничего не ответил, видимо, сражённый последним доводом штурмана, а, может быть, спор просто

затих, отнесённый ветром.

Смеющийся Платон опять поднял фонарь над головой джентльменов, но уже совсем стемнело, и в море ничего не стало видно.

****

Всё время этого перехода погода была относительно ровной, не смотря на климат, но потом настало утро, когда мистер Трелони проснулся от страшной качки.

Он поспешил вылезти на палубу. До самого горизонта пронизанные пеной мутные волны шипели, пучились и громоздились одна на другую. Ветер срывал и относил в сторону их белые гребни, но волны снова упрямо лезли всё выше и выше, почти загораживая небо, по которому низко, над самой водой, словно норовя зарыться в неё, проносились рваные тучи. И это небо было такое серое, холодное, а море такое сердитое и взлохмаченное, что невольная печаль и робость сковали душу сквайра, чуткого на всякие впечатления. На подгибающихся от качки валких ногах он поспешил взобраться на кварталдек.

– Доброе утро, мистер Трелони, – громко приветствовал его капитан.

Платон поклонился сквайру, одной рукой держась за рейлинг. Доктор Легг, который тоже находился на кварталдеке, спросил у мистера Трелони почему-то строго:

– Проснулись, сэр?

Тут шхуна, треща и стеноя, наискось поднялась на очеред-

ную мутную гору, голые мачты и реи её накренились, буш-прит повис над бездной и спустя мгновение рухнул вниз. Громада воды обрушилась за кормой. Мистер Трелони едва удержался двумя руками за рейлинг: у него подкосились ноги в коленях.

– Это буря? – спросил он у капитана.

– Слегка болтает, – небрежно ответил тот и успокаивающе улыбнулся.

– Мы дрейфуем? – опять спросил сквайр.

– Стараемся... Совсем не хочется со всего маху налететь на камни островов залива Джеймс, – ответил капитан и добавил, пытаясь перекрычать ветер и скрип такелажа: – Но вы бы шли к себе в каюту, сэр... Здесь вам делать точно нечего. Берите доктора и идите... Это приказ.

Мистер Трелони молчал, сжав губы. Доктор Легг ухмыльнулся, протянул к нему руку и сказал:

– Ну, если приказ – значит приказ... Берите меня, мистер Трелони.

Они ушли. На четвердеке остались капитан, Платон и рулевой Скайнес. Скайнес был, как всегда, в своём синем, «морском», платье. Из весёлого, общительного и доброго до простоты парня он за прошедшие годы превратился в весёлого, общительного и доброго до простоты мужчину, который уже больше не напивался до беспамятства. Сейчас Скайнес изо всех своих могучих сил пытался удержать рулевое колесо – ветер всё время менял направление. Иногда ему по-

могал Платон, и тогда они являли собой гармоничный контраст двух разных типов мужской красоты – высокий, мускулистый, чернокожий Платон и высокий плечистый, но сухой и жилистый рулевой Джон Скайнес.

– Кажется, ветер стихает, – прокричал Платон.

Капитан посмотрел в море. За кормой до самого горизонта по-прежнему катились мутные серые валы, бушприт всё так же резко вздымался вверх, а через несколько секунд уже целился в самое основание вала: волны так же взмётывались горами и обрушивались вниз ревущими водопадами, но теперь облака пены и водяной пыли летели прямо к небу, как при взрыве.

– Да, стихает, – пробормотал капитан и утвердительно покивал в ответ, глядя на Платона.

Скоро ветер стих настолько, что на «Архистар» поставили паруса. Шхуна снова неслась заданным курсом и спустя какое-то время вошла в залив Джеймс, крупный залив в южной части Гудзонова залива...

Залив Джеймс, дорогой читатель, занимает видное место в истории Канады больше благодаря деятельности старейшей торговой корпорации, называемой Компания Гудзонова Залива, штаб-квартира которой и сейчас находится в канадском городе Торонто. В течение нескольких столетий Компания контролировала рынок пушнины в английской части Северной Америки и самостоятельно исследовала земли вокруг Гудзонова залива. Она являлась фактиче-

ским правительством на этой обширной территории, известной как Земля Рупперта, названной так в честь принца Рупперта (1619–1682), официального основателя Компании. В 1670 году английский король Карл II предоставил Компании монополию на эксплуатацию всех рек, впадающих в Гудзонов залив. Компании принадлежало более трети всей территории современной Канады и незначительной части США.

Берега залива Джеймса были наиболее пригодны для колонизации, чем все остальные области Гудзонова залива, потому что канадский климат известен холодной зимой и влажным прохладным или умеренным летом с большой продолжительностью дня. На берегу залива Джеймса был основан первый транспортный пост для торговли мехом – Руперт-Хаус, деятельность которого была более чем успешна. Руперт-Хаус стал входными воротами британской колонизации в Северной Америке.

Впервые залив Джеймс привлек внимание европейцев в 1610 году, когда Генри Гудзон исследовал большой залив, названный в его честь. Сам же залив Джеймс получил своё название по имени английского капитана Томаса Джеймса, который более подробно исследовал этот район в 1631 году. В средней части залива имеется группа островов, из которых самый крупный, – остров Акимиски, – располагается ближе к западному берегу залива...

«Архистар» шла вдоль восточного побережья залива Джеймс. Целыми днями на ней не знали покоя: ставили па-

руса, делали повороты, брали рифы¹², шли галсами. Капитан хватался за каждую возможность продвинуться вперёд, чтобы выиграть тёплые дни у надвигающейся осени. Береговая линия восточного побережья, иногда хорошо видная с палубы в подзорные трубы, была извилистой. Она состояла из многочисленных бухт и бухточек, заросших лесом, в котором высокие силуэты тёмно-зелёных елей резко контрастировали со светлой зеленью редких лиственных деревьев. Тут и там среди леса виднелись серые скалы и россыпи камней.

Сегодня утром доктор Легг и мистер Трелони вышли на палубу на разминку по фехтованию на саблях и теперь отдыхали. Доктор, в который раз, покосился в сторону особо настырной чайки, одиноко летящей и орущей за кормой, и сказал:

– Правительству Новой Франции удивительным образом недоставало дальновидности... Если бы оно не конфисковало меха у Радиссона и Грозейе¹³, придравшись к отсутствию у них лицензии, те не переметнулись бы к нам... И Компания Гудзонова залива никогда бы не была создана.

– А дальновидность правительства здесь совсем не причём, – ответил ему мистер Трелони, пожимая плечами. – Всё это простая человеческая алчность... Почему не конфиско-

---

¹² Взять рифы – уменьшить площадь паруса, свёртывая его снизу и подвязывая свёрнутую часть у косых и шлюпочных парусов. Или подбирая парус кверху и прихватывая его к лееру на рее у прямых парусов.

¹³ Пьер-Эспри Радиссон и Шуар де Грозейе – франко-канадские мехоторговцы, исследователи Северной Америки.

вать меха, если можно конфисковать?

– Смотрите, мистер Трелони, какие тут леса, – заметил доктор через некоторое время. – А севернее были всё камни и пустоши... Охота здесь, наверно, отменная.

– Я вижу, вам не терпится, мой друг, взять в руки мушкет, а к поясному ремню прикрепить рог с порохом, мешочек с пулями, нож и огниво, – отозвался сквайр с улыбкой.

– Мне не терпится опять испробовать этот специфический, ни с чем несравнимый, горьковато-сладкий вкус дичи, запечённой с ягодами в земле, – мечтательно ответил доктор. – И я очень жалею, что сейчас не весна, чтобы пойти на глухарей-петухов на току.

– И охота вам убивать бедных глупых птиц, мясо которых к тому же имеет горький привкус хвои? – насмешливо спросил сквайр.

– А его можно спрыснуть красным сухим вином, – тут же заспорил доктор. – И нашпиговать свиным салом.

– Кто здесь говорит о красном вине? – вдруг раздался весёлый голос капитана: он незаметно подошёл к джентльменам, увлечённым беседой.

Доктор и сквайр обернулись. Доктор, увидев перед собой капитана, опешил от неожиданности.

– О красном вине? – вскричал он и возмущённо поспешил добавить: – Никогда!.. Мы говорили о свином сале!

– Ах, о сале? – переспросил капитан и понимающе глянул на сквайра.

Мистер Трелони с приятной улыбкой ответил ему:

– Насколько мне помнится, капитан, о сале мы тоже говорили.

И тут доктор Легг перешёл в наступление.

– Ах!.. Да какая разница! – беспечно отмахнулся он и спросил: – Вы лучше мне вот что скажите, капитан... А если всё-таки Боб Стамп не будет нас ждать в намеченной бухте?

– Будет, – уверенно ответил ему капитан, сверкнув голубыми глазами. – Я писал ему из Бристоля ещё до наших сборов... Письмо ушло с надёжным человеком на «Лизарде», который благополучно прибыл в порт Нью-Йорка.

– А если Боб Стамп письмо не получил? – не унимался доктор.

– Если не получил, то завтра мы об этом узнаем, – ответил капитан и нахмурился. – Завтра мы прибудем в намеченное место.

На следующий день «Архистар» вошла в условленную бухту на восточном побережье залива Джеймс, и все с нетерпением стали ждать появления на берегу старого проводника. Но Боб Стамп не объявился в заветной бухте ни в этот день, ни через три дня.

И тогда капитан решил высадиться в бухте форта Руперт и наведаться в посёлок в поисках проводника – местного охотника, хорошо знающего окрестные леса.

****

Джентльмены вошли в полутёмную таверну.

Она была пуста, и только на одном столе, едва освещая пространство, одиноко горела лампа. За этим столом сидел один-единственный посетитель, по виду простой охотник. Чувствовалось, что он сидит так давно и намерен сидеть ещё долго. Ничем съестным в таверне не пахло. За стойкой стоял кабатчик и удивлённо пялился на вошедших. За его спиной виднелись тусклые ряды давно и безнадёжно порожних бутылок, видимо выставленных здесь «для красоты».

Джентльмены подошли к стойке. Кабатчик заулыбался и приветственно затряс головой. У него была массивная красная физиономия, изрытая оспой, и рот в табаке. Впрочем, сейчас он жевать табак перестал и смотрел настороженно на вошедших. Симпатии кабатчик не вызывал, но выбирать не приходилось, и капитан, покосившись на ряд развешанных над бутылками оленьих и лосиных рогов, заговорил с ним.

– Здравствуйте, уважаемый хозяин, – произнёс капитан и спросил: – Скажите, почему ваш посёлок так безлюден?.. Что у вас тут случилось?

Кабатчик сплюнул табачную жвачку прямо себе под ноги, утёр рот тыльной стороной ручки и повторил:

– У нас?.. Случилось?

Тут он почему-то посмотрел мимо и как бы сквозь джентльменов, к ним за спину. Мистер Трелони и доктор резко обернулись. Капитан чуть скосил глаза – одинокий охотник за своим столом повернул к ним голову и, отсмеявшись тихим, беззвучным смехом, резко и громко сказал:

– У нас тут случилась оспа!

Мистер Трелони оторопел. Доктор Легг внимательно рассмотрелся к говорящему. Капитан сделал к нему шаг и остановился.

– Да, оспа! – как-то лихо провозгласил охотник и добавил: – Но вы можете уже не бояться – все, кто мог, у нас уже умерли!

Он опять засмеялся, а потом улыбка вдруг застыла на его таком же рябом лице. Так он и сидел с окаменевшей улыбкой на бледных губах и смотрел на джентльменов, и тех от этой улыбки всё больше брала оторопь. Они молчали, не зная, что делать.

– Так оспа у нас была уже давно, – поспешил успокоить всех кабатчик. – А этот у меня теперь каждый день сидит... Да и то сказать – других-то клиентов почти не осталось.

– Как давно была оспа? – быстро спросил доктор Легг и пытливо посмотрел на кабатчика.

Глаза кабатчика остекленели в задумчивости. Потом он разлепил красные губы и пробормотал почти в тревоге:

– С месяц, кажись.

– А когда умер последний больной? – опять спросил доктор Легг, не давая кабатчику опомниться.

– Так с месяц, кажись, – невнятно пробубнил тот.

Доктор Легг отвернулся от кабатчика. Джентльмены опять посмотрели на охотника.

– Да, а я теперь тут сижу каждый день, – громко и по-

пьяному вызывающе сказал охотник. – И зовут меня Джо... Джо Смит моё имя.

– Очень приятно, мистер Смит, – ответил капитан, представился сам и добавил не слишком уверенно, чуть помедлив: – Я капитан шхуны «Архистар»... Из Англии.

– Из Англии, – повторил охотник без всякого интереса, не переставая пьяно улыбаться своей страшной улыбкой.

Капитан подошёл и медленно сел за стол напротив охотника.

– Мистер Смит, нам нужен проводник, – сказал капитан и повторил для ясности: – Нам нужен человек, который хорошо знает здешние места.

– Я не могу, – тихо ответил охотник. – Попробуйте спросить у Индейца Корли... Он живёт на ближнем озере.

– А по-английски он говорит, этот индеец? – спросил капитан.

Охотник недоумённо наморщил чистый лоб, как это обычно делают только очень доверчивые, искренние, но недалёкие люди, и какое-то время молча, тяжело соображая, смотрел на капитана. Потом он пьяно заулыбался и пояснил:

– Да, говорит, конечно. Индейцем его прозвали, потому что он был женат на индеанке. Она умерла. А вообще-то он белый... Только живёт на озере, на отшибе... Один.

– Его жена умерла от оспы? – спросил мистер Трелони.

– Не, давно уже, – ответил охотник и посмотрел куда-то в сторону, чувствовалось, что этот разговор начинает ему на-

доедать.

– Так где, вы говорите, это ближнее озеро? – спросил капитан, вставая.

Охотник неловко приподнялся, держась за стол, и произнёс:

– Пойдёмте, я вам покажу, куда идти.

Он встал, неожиданно оказавшись высокого роста. Махнув приглашающе рукой джентльменам, он направился к выходу.

Как только джентльмены и охотник скрылись за дверью, кабатчик выскочил из-за стойки и лихорадочно заметался по залу, стуча своими грубыми подкованными сапожищами. Чувствовалось, что мысли в его голове не дают ему стоять спокойно, да к тому же он, видимо, не знал, что ему делать и как теперь быть.

Пометавшись так какое-то время, кабатчик застыл на месте, уставившись глазами в одну точку, а потом вдруг сорвал с себя передник, швырнул его на пол, пару раз со злостью втоптал в него каблук, потом забежал за стойку и присел за ней. Выскочил из-за стойки он уже в широкополой потрёпанной шляпе и с мушкетом в руках. И скоро, погасив одинокую лампу на столе, он стал закрывать таверну на массивные запоры, а закрыв, тут же закинул мушкет за спину и пошёл прочь быстрым шагом.

Вернувшийся назад охотник нашёл таверну тёмной и запертой.

Нисколько не удивлённый и даже не огорчённый этим охотник развернулся и побрёл прочь качающейся походкой сильно пьяного человека.

****

Дом Индейца Корли у озера был сработан на века и напоминал, скорее, крепость, чем дом.

Сложенный из огромных брёвен, он имел несколько хозяйственных пристроек и маленькие оконца-бойницы, забранные теперь ставнями. Было пасмурно, к тому же вечерело, и все подумали, что при свете солнца этот дом, конечно, производит не такое угрюмое впечатление.

– Этот дом мне напоминает рубленые русские избы, – сказал доктор Легг. – Такой же мощный.

– Да, тот ещё домище, – отозвался сквайр, отводя взгляд от багров и вывешенных на просушку сетей и снова оглядывая дом. – Построен с размахом. Леса кругом много.

Мистер Трелони и доктор стояли перед домом на едва заметной тропинке, по которой все и пришли сюда, и ждали капитана. Скоро капитан и матросы, обойдя дом кругом, вернулись назад.

– Дверь на замке... Никого нет, – сообщил капитан, подходя к сквайру.

Тут к ним откуда-то выскочил необычный пёсик с забавным коротким хвостиком, похожим на кисточку для бритья. Глубоко сидящие чёрные глаза его дико сверкали, хвост был вертикально поднят, шерсть была короткая, чёрная и густая.

Он не издавал ни звука, а просто стоял настороже и смотрел на капитана, который оказался перед ним на тропинке ближе всех. Капитан молча разглядывал собаку и не двигался. Спустя какое-то время пёс завилял своим смешным хвостиком, подошёл к капитану и принюхался. Капитан присел на корточки и потрепал пса по шее и холке.

– Если пёсик такой милый, значит хозяин его неплохой человек, – произнёс мистер Трелони и сделал шаг к собаке, явно намереваясь её погладить.

– Я бы не советовал вам гладить Бумпо, – вдруг сказал кто-то совсем рядом. – Эта собака – для охоты на гризли.

Джентльмены оглянулись на голос и потянулись за оружием. К ним подходил высокий мужчина в обычной одежде канадского поселенца и в индейских мокалинах. Мушкет висел у него за спиной.

Мистер Трелони сразу же передумал гладить пса, а капитан ответил, поднимаясь:

– Красивый пёс... Внешне напоминает помесь лисицы с терьером.

Капитан приветливо улыбнулся мужчине.

– Это индейская собака, – всё так же неторопливо проговорил тот, взглядываясь в капитана и протягивая ему руку для рукопожатия. – У меня была пара, но вторую недавно задрала рысь.

Капитан представился и спросил:

– Вы мистер Корли? Нам нужен проводник.

– Индеец Корли, – поправил капитана мужчина, пожимая руки мистеру Трелони и доктору Леггу, на матросов, стоящих поодаль, он даже не посмотрел. – А вы из фактории?

– Нет, не из фактории, – ответил капитан. – Но нам нужен проводник на озеро Мистассини.

– А кто вам сказал про меня? – спросил Индеец Корли.

– В таверне сказали. Джо Смит... По виду охотник, – ответил капитан.

– Так вы не из фактории? – в голосе Корли послышалось облегчение.

Капитан молча покачал головой и опять улыбнулся.

Индеец Корли произнёс:

– Тогда входите и поужинайте со мной... Здесь новые люди – редкость. За едой и потолкуем.

Капитан бросил взгляд на запад, словно хотел за тучами увидеть солнце.

– Да, скоро стемнеет, – поймав его взгляд, сказал Индеец Корли и добавил: – Я вас провожу потом. Мы с Бумпо вас проводим.

Хозяин подошёл к двери и загремел запорами. Все по одному вошли в двери. Дом внутри оказался разделён на несколько небольших комнат, причём перегородки не доходили до стропил, и потолка в доме не было. Самая большая и первая при входе комната, видимо, служила хозяину и кухней, и столовой, и гостиной. В ней всё было чисто и опрятно. По стенам были развешаны оленьи рога. Самое видное ме-

сто здесь занимал очаг, сложенный из крупных камней, обмазанных глиной. Джентльмены расселись на предложенные им стулья. Хозяин принёс из соседней комнаты скамью для матросов, потом взял из поленницы дрова, и скоро в очаге разгорелся огонь.

Сразу стало намного уютнее. Корли зажёл от лучины лампу и ушёл с ней куда-то, а воротившись с куском бекона, встал у стола и большим охотничьим ножом принялся строгать бекон прямо на огромную закопчённую сковородку. Стол и вся мебель в комнате была грубая, самой простой и незатейливой работы. Впрочем, на стене висели довольно неплохие настенные ходики, маятник которых исправно качался. Мистер Трелони достал свои часы и сверился с ними – часы хозяина показывали точное время. Скоро по комнате разнёсся запах жареного бекона и яичницы.

– Яйца – утиные... С озера, – сообщил Корли, словно предваряя вопросы гостей.

Доктор Легг заулыбался и почему-то потёр нос, покосившись на свою медицинскую сумку, а Индеец Корли опять вышел из комнаты и спустя совсем короткое время вернулся с довольно объёмистой бутылкой.

– Это виски, – сказал он.

И тут капитан, придвигая свой стул к столу, удивительно весело спросил:

– Доктор Легг, а вы захватили свой докторский запас?

– Обязательно, капитан! – подтвердил тот. – Мой запас у

меня всегда с собой.

Доктор потянулся, открыл свою сумку, достал оттуда заветную флягу и произнёс довольным голосом:

– А это – ром!

– Медицинский, – саркастически, но с улыбкой, уточнил Трелони со своего места.

Хозяин порезал крупными ломтями хлеб и, разложив на него яичницу, роздал всем. Ром быстро был разлит по стаканам и выпит. Потом пришла очередь виски, потом капитан спросил хозяина:

– Вы давно живёте в этих местах?

– Да, я старожил, – ответил Индеец Корли. – Живу среди индейцев уже давно... И индейцев хорошо знаю.

И хозяин, довольно откинувшись на стуле и не дожидаясь расспросов, стал рассказывать:

– Наверное, кое-кто из наших стариков ещё помнит, как много зерна можно было купить у индейцев, особенно у тех, кто жил южнее, у Великих озёр... Они выращивали кукурузу и разводили свиней... Но пришедшие англичане и французы, чтобы согнать их с земли, уничтожили посевы, сожгли вигвамы и разбили каноэ... От трупов зарезанных ими свиней, говорят, во многих местах начались даже эпидемии. Индейцы пошли на север, в леса, и из землепашцев превратились в зверобоев – добыча мехов стала их основным занятием.

Наверное, вы слышали о детской беспечности индейцев

и их природной лени, якобы обрекающей их на вечный упадок... Не верьте... Ещё совсем недавно индейцы были хоть и диким, на наш взгляд, но обеспеченным и счастливым народом... Не было среди них нищих и брошенных на произвол судьбы. Они и сейчас деловиты и стремятся преодолеть трудности, а наследственные вожди – так те ещё и богаты... И никто не слышал о таких преступлениях среди них, как воровство, пьянство, убийство или измена супружескому долгу... Но с приходом нас, белых, этому наступил конец. Теперь индейские вожди сами спаивают своих людей, чтобы быстрее заключить сделку.

– Вы говорите о торговле мехами? – спросил мистер Трелони.

– Да, о торговле мехами... Сейчас всё подмяла под себя Компания, – ответил Корли. – Сейчас всё скупают пришлые скупщики... Торговля мехами, обогатив пушные компании, принесла индейцам одни лишь несчастья. Индейцы большую часть года ведут полуголодную, полную опасности жизнь в зимнем лесу, добывая драгоценные шкурки... И жизнь индейца ценится алчными торгашами из факторий не более, чем жизнь собаки. Управляющие факториями спаивают индейцев, чтобы за бесценок скупить у них меха... Сколько таких несчастных после двух-трёх дней пьяного угара возвращаются в лес обобранные и больные... Без запаса боеприпасов для промысла, а иногда даже в долгу у скупщика.

– Ещё раз хочу заметить, что мы не скупщики из Компа-

нии, – быстро сказал капитан, но почему-то вдруг запнулся.

Вместо него доктор Легг воскликнул со своего места:

– Мы сами по себе!

Лицо Индейца Корли посветлело.

– Так вы охотники? – обрадованно спросил он.

– Да, – ответил капитан и бросил предупреждающий взгляд на доктора. – Но мы без лицензии, пока просто при-
сматриваемся... И об этом никто не должен знать... Нам на-
до попасть на озеро Мистассини и в его окрестности и тихо
уйти обратно.

Помолчав, Индеец Корли заметил:

– Тихо уже не получится, если вас видел кабатчик Ром-
ни... Он – человек Компании, об этом все знают.

– Ну, чем меньше людей о нас будет знать, тем лучше, –
попросил капитан.

– Хорошо, на том и порешим, – ответил Корли и улыбнул-
ся первый раз за всё это время.

Все невольно залюбовались его лицом. Хозяин дома у
озера представлял собой образец мужественной красоты во
всём её благородстве. Было ему лет около сорока, и от всей
его высокой фигуры веяло исключительной мощью. Широ-
кополую свою шляпу, войдя в дом, он сразу же повесил на
гвоздь в стене, и оказалось, что у него тёмные волосы с про-
седью, соболиные брови с изломом и пронизательные серые
глаза, небольшие, но красивого разреза. Словно почувство-
вав, что на него все сейчас смотрят, Индеец Корли потрогал

свою двухдневную щетину на подбородке и скривился.

Всё это время пёс Бумпо сидел и пристально смотрел на капитана, потом пёс встал и подошёл к двери. Капитан, неожиданно даже для себя, вдруг тоже поднялся, остановил рукой встrepенувшегося, было, ближайшего матроса, и, не говоря никому ни слова, открыл дверь наружу. Выйдя следом за Бумпо, он сразу закрыл за собой входную дверь: тусклый язык света успел захватить силуэт пса, удалявшегося от дома. Капитан взгляделся во тьму, прошёл за собакой и остановился.

Чёрная вода начиналась прямо у его ног. Тишина стояла полная, только шуршали набегавшие на берег волны, и где-то в стороне, не видные во мраке, мерно постукивали друг о друга привязанные лодки. Когда его глаза привыкли к темноте, он различил справа и слева от себя высокие скалы или холмы, поросшие густым лесом. Рядом негромко и призывно тьякнула собака. Капитан сделал ещё несколько шагов в том же направлении...

И тут он попал в олибу. Он не испытывал это чувство уже давно, но сразу же узнал его, как только в его голове понеслись одна за другою, накатывая и перебивая друг друга, странные для него, такие чуждые ему мысли, и они охватывали его сейчас всё сильнее и сильнее, а его собственные мысли текли как-то параллельно чужим мыслям, не смешиваясь с ними и не мешая им.

Ненавистная, ненавистная... Подлая, мерзкая дыра... Как

я устал жить здесь, как же я устал торчать здесь безвылазно и ждать... Но теперь всё будет по-другому, теперь всё будет так, как я хочу... Только бы он заплатил мне обещанное, только бы не обманул. Ведь обманет, обманет, такой страшный человек, нельзя верить ни одному его слову! Но что же делать, что делать? А может быть, он всё же заплатит? Да, да... Он же обещал. Завтра же пошлю к нему индейца!

Дверь дома открылась, и из него опять выполз язык тусклого света. Из дома вышел Индеец Корли, и, ловко прикрыв дверь, быстро шагнул в темноту. Потом он с безошибочной точностью повернул в сторону капитана и, подходя к нему, спросил:

– Вышли проветриться на воздух, капитан?

Чужие мысли в голове у капитана испуганно примолкли, и капитан сказал первое, что придумал сейчас:

– Какое здесь медленное течение времени... Даже не хочется двигаться и громко разговаривать.

– И правильно... Громко разговаривать здесь опасно... А вот быстрее двигаться иногда просто необходимо, – произнёс Корли и пояснил: – И долго не стойте на одном месте или в освещённом проёме. Тогда вы отличная мишень.

– Кто-то может прятаться в темноте? – спросил капитан.

– Так война же... Но сейчас здесь никого нет, – ответил Корли и добавил: – Бумпо почувал бы и дал знать.

– Интересная у вас собака ... Смотрит так, словно хочет что-то сказать, – поддержал капитан разговор о собаке.

– Да... И у него отличное чутье на зверей всякого рода, – многозначительно ответил хозяин.

Дверь опять открылась, и из неё один за другим вышли мистер Трелони, доктор Легг и матросы. Корли свистнул Бумпо, и когда пёс подбежал к нему, Корли повёл всех за собой в посёлок по только ему одному видной тропинке. По дороге он и капитан обговаривали подробности их похода.

– Так значит, послезавтра, на рассвете, и приходите ко мне на озеро, – сказал Корли, когда они пришли на берег залива.

– А почему не завтра? – спросил капитан.

– Завтра мне ещё надо кое-что сделать, – ответил Корли. – Да и собраться, опять же... И вам всем, наверняка, тоже.

Джентльмены сердечно простились с Индейцем Корли. Когда они сели в шлюпку и поплыли к «Архистар», доктор Легг спросил у капитана:

– Как вам наш новый проводник? По-моему, отличный мужик.

– Знаем, знаем, доктор! У вас все мужики, с которыми вы выпьете, отличные, – с улыбкой отозвался сквайр и взгляделся в сторону капитана, ожидая ответа.

Капитан вдруг, к немалому удивлению обоих джентльменов, задумчиво произнёс:

– Не знаю. Может и хороший... Там посмотрим.

– Вас что-то смущает в нём? – спросил удивлённый доктор.

Капитан ничего не ответил.

****

Глава 3. В канадской тайге

Утром второго дня отряд пришёл на озеро.

Корли уже поджидал их на берегу. Матросы принесли с собой три каноэ, которые капитан купил в посёлке, и, спустив их на воду рядом с двумя каноэ Индейца Корли, стали готовиться к походу. Вместе с семью матросами капитан взял в поход и юнгу Роберта, уступив его настойчивым просьбам, а больше ходатайству доктора Легга и Платона, но с тем условием, что Платон будет приглядывать за юношей.

Выйдя по рыхлому и сырому песку к самой воде, капитан огляделся.

Залив озера, на берегу которого стоял дом Индейца Корли, простирался вглубь мили на три, а шириной он был около мили. Справа и слева скалы и могучая стена леса подходили к самой кромке воды: густые ветви деревьев свешивались к озеру, бросая на его поверхность глубокую тень и даря ему своё отражение. Солнце едва поднялось над скалами, но день обещал быть отличным.

И тут из зарослей со стороны дома бесшумно, как призрак, появился индеец и приблизился к Корли, приветствуя его.

– Это Райвенук, – быстро сказал Корли капитану, предупреждая поднимая руку. – Он пойдёт с нами.

Индеец отошёл в сторону, сел на землю и застыл, слов-

но каменное изваяние, он, казалось, не замечал ни шума, ни оживления, царившего вокруг него. Черты его спокойного, разукрашенного лица выражали свирепость и вместе с тем странную отчуждённость. Он был вооружён томагавком и скальпировальным ножом, торчащими за поясом, за спиной его свисал лук, правая рука бережно покоилась на мушкете английского производства, лежащем на мускулистых ногах. Бритую голову воина украшала только одна прядь волос, скрученная в тугий узел, в котором торчало длинное перо, развёрнутое к левому плечу. И это было, пожалуй, всё, чем он отличался от европейца, потому что одет индеец был в платье английского поселенца – штаны, рубаху и жилет, почти потерявшие свой первоначальный, яркий цвет.

Заметив, что за ним пристально наблюдают, в глазах индейца промелькнуло пренебрежение и досада, но он тотчас же обратился взглядом в другую сторону и уставился куда-то далеко-далеко в пространство.

– Райвенук пойдёт с нами, – повторил Корли.

– А вы уверены, что ваш индеец не перережет нам глотки ночью? – тихо спросил капитан. – Уж очень он выглядит...

Капитан красноречиво не договорил.

– Это мой друг, – ответил Корли. – Он вполне цивилизован и даже говорит по-английски, только не любит разговаривать с чужими... И он будет очень полезен нам в лесу.

– Ну, если полезен, – пробормотал капитан, он отвернулся от проводника и выразительно глянул на Платона.

Платон коротко кивнул и приблизился к тому месту, где сидел индеец. Его перемещение не осталось незамеченным – индеец повернул голову в сторону Платона, увидел у него за плечом два лука, и губы индейца тронула чуть заметная усмешка. Но в следующий момент его лицо опять стало бесстрастно и спокойно.

Наконец, со сборами было покончено, груз разделили по каноэ, а Индеец Корли показал матросам, как надо грести одним веслом. Всё было готово.

Индеец Корли вступил на своё каноэ, посмотрел на небо и сказал степенно и удивительно довольно:

– Сегодня хороший день для путешествия на каноэ.

Каноэ по одному отчалили от берега и скоро вытянулись друг за другом в неровную цепь. Озеро было спокойно. Окружавшие его леса, отражаясь в зеркальной водной глади, стояли, окутанные торжественным молчанием. Ни шороха, ни звука на всём огромном пространстве.

Только плавные движения вёсел в руках гребцов нарушали окрестную тишину.

****

...каждый гребец знает, что каноэ, – слово, заимствованное из языка карибских индейцев, – означает название безуклюжих маломерных лодок разных народов. Интересной, характерной особенностью каноэ является способ гребли, которая осуществляется лопатообразным однолопастным или двулопастным веслом. Им же производится и

руление путём поворота вёсла в воде с изменением его траектории в конце гребка.

Каждый гребец знает, что корпус каноэ или вырубается из цельного ствола дерева, или делается из древесной коры, натянутой на кедровую основу и закреплённой с помощью корней...

Сейчас все каноэ были сделаны из древесной коры, а день был, и правда, отличный. Ярко светило солнце, только донимал неотвязный гнус, и мистер Трелони с сожалением вспоминал то средство от насекомых, которым они пользовались в Африке. Матросы быстро приспособились к гребле одним веслом, и следовали без задержек за первой лодкой, в которой сидели проводник Корли, индеец Райвенук и капитан. В обед отряд причалил к берегу, а потом все опять сели в каноэ и погребли уже вверх по течению реки, впадающей в озеро. И так – до вечера, когда, привязав лодки к деревьям и разгрузив их, а потом и перевернув для просушки, отряд пошёл искать место ночлега.

Они поднимались от реки, отмахиваясь от гнуса, через густые кусты по едва заметной тропе, которую кто-то из животных протоптал к водою. С грузом шли тяжело, друг за другом, как вдруг Бумпо, бежавший впереди, негромко тьякнул. Индеец Корли, идущий первым, остановился и посмотрел на него. Бумпо стоял насторожившись, с поднятым кверху хвостом и, казалось, во что-то всматривался.

– Что такое? – спросил у него Корли: проводник был се-

рвѐзен, он словно ждал от собаки ответ.

Вместо ответа Бумпо побежал дальше.

– Наверное, медведь шатается, – объяснил Корли и пошёл за собакой.

В самом деле, скоро им встретились свежие медвежьи метки, и мистер Трелони ахнул: на дереве, гораздо выше человеческого роста, кора представляла собой глубокие борозды, она словно была сорвана и покорѐжена страшной силой.

– Это он встаёт на задние лапы и показывает всем, какой он большой и могучий. И что он здесь хозяин, – сказал Корли и пошёл дальше, выбирая ровное и открытое место для ночёвки.

На лесной поляне они быстро развели костёр и стали готовить тетеревов «в перьях»: матросы настреляли тетеревов ещё днём, когда те вышли к реке поклевать камни и посушиться. Проклятый гнус, – тучи комаров и мелкой мошки, – летал над людьми неотвязно, собирался в золотистые тучи и воинственно звенел.

– Сейчас ещё ничего, а вот летом из-за гнуса лес становится совсем недоступным, – рассказывал всем Индеец Корли, размахивая над головой дымящейся веткой. – И тогда даже звери уходят на продуваемые ветром места – на открытые берега рек и в горы.

После ужина капитан спросил у проводника:

– А ваш друг-индеец... Он из какого племени будет?

Корли посмотрел на Райвенука и сказал ему по-англий-

ски:

– Я сейчас про тебя буду рассказывать.

Райвенук важно качнул головой и вперил взгляд куда-то вдаль, и мистер Трелони в который раз подивился его медленному, обветренному на солнце лицу древнего идола.

Проводник начал рассказывать:

– Мы, европейцы, называем их ирокезами, но это общее название, оно включает в себя множество племён... А вообще-то, ирокезы – очень воинственное племя. У них особо ценятся воинские заслуги мужчины, а женщины у них испокон века землю обрабатывали. И ещё занимались ирокезы рыболовством и охотой на бобров. А когда на своих землях они бобров перебили, то пошли на север, в Новую Францию. А там жили другие охотники – французы, которым это, конечно, не понравилось... И они стали вооружать против ирокезов других индейцев – гуронов и оттава. Было много войн, много крови. Только сейчас, говорят, спрос в Европе на бобровые шкуры стал стихать.

– Да, правильно говорят, – подтвердил капитан.

– И всё же мира здесь, в Канаде, никогда не будет... Ведь ирокезы пришлые здесь. И вся их жизнь, и весь уклад отличаются от уклада окружающих их народов... А потому живут они, не смешиваясь с другими, а, наоборот, всё время со всеми враждуют... Ещё ирокезы пользуются дурной славой за попытки и ведение войны до полного уничтожения врага. Они никогда не обменивают своих пленников. И у тех есть только

два выхода при пленении. Или усыновление, или истязание. А вот сейчас новая война всем развязала руки.

– Скальпы добывают? – с видом знатока спросил доктор Легг.

– Ну, да, – подтвердил Корли. – И чем скальпов больше, тем воин у индейцев доблестнее... Но даже те племена, которые раньше не снимали скальпы, теперь, ради денег, занялись скальпированием. Да и то сказать: двести фунтов за мужской скальп краснокожего старше двенадцати лет, а за скальп индейской женщины или ребёнка – сто фунтов. Даже среди нас, европейцев, есть охотники обогатиться.

Никто на это ничего не ответил. Словно почуяв висящий в воздухе вопрос, Индеец Корли медленно проговорил:

– Я этим не занимаюсь... И Райвенук не занимается.

И тут где-то неподалёку рухнуло дерево, рухнуло с таким шумом, что задрожало всё кругом, а потом по зарослям и кустам пошло смятение, словно кто-то огромный и очень сильный в бешенстве ломал всё вокруг. Бумпо отчаянно залаял. Все вскочили на ноги, кроме Райвенука и Корли.

– Это гризли даёт нам понять, что хорошо бы убраться отсюда подобра-поздорову. Мы зашли на его территорию, – сказал Корли.

– И что делать? – спросил капитан.

– Надо ему показать, что мы страшнее, – ответил проводник. – Давайте покричим все вместе погромче.

Он встал, набрал воздуха в широкую грудь и завопил:

– Ого-го!

С ним вместе закричали матросы, Платон, капитан и Роберт. После этого крика все вроде бы даже повеселели и заулыбались, и уже никто, почему-то, не боялся медведей.

– А что озеро Мистассини?.. Какое оно? – спросил капитан у проводника.

– Да озеро... Каких здесь тыщи, – ответил проводник, не очень, видимо, расположенный сейчас к разговору об озёрах: он сидел по-турецки и орудовал в зубах щепкой. – Ну, довольно большое... Лёд на нём лежит с ноября по июнь. По берегам – тайга, в тайге – звери... Куница, бобёр, норка... Рысей много и лисиц.

Тут Корли цыкнул зубом и, отвернувшись, сплюнул что-то невидимое в сторону.

– А горы в окрестностях есть, сэр? – спросил его мистер Трелони.

– Горы здесь везде есть, – ответил Корли. – И везде есть леса и звери... Далеко ходить не надо.

В его словах все почувствовали скрытый вопрос.

– Нам надо к озеру Мистассини, – повторил капитан.

– Понятно, – сказал Корли, хотя было видно, что ему ничего не понятно.

– А медведей здесь много? – вдруг спросил доктор Легг.

Капитан быстро взглянул на доктора, но ничего не сказал. Мистер Трелони тоже промолчал, а Индеец Корли, вдруг разохотясь, отбросил свою щепку и стал рассказывать про мед-

ведей.

– Ну, медведей, все, наверное, видели? – спросил он.

– Я видел медведя у цыган, – ответил мистер Трелони.

– Мы сталкивались с медведями в Московии, – сказал капитан и глянул на Платона, Платон ответил ему таким же понимающим взглядом.

– Так вот, канадский медведь – крупнее, сильнее и выше, – веско сообщил проводник.

– Не может быть, куда же выше, – произнёс капитан и заинтересованно поднялся с локтя, на который опирался.

– А когти у него вырастают по полфута, – продолжал проводник. – Они даже по деревьям лазают только молодыми, а как когти выросли – уже никак... И мушкетная пуля его не берет... Поэтому охотники у нас говорят, что гризли не убит, пока с него не снята шкура.

– Неужели пуля не берет? – удивился мистер Трелони

– Да правду говорю... С одного выстрела его не убить, – объяснил Корли. – Когда медведь бежит на тебя «свиньёй», то почти всегда несёт голову опущенной... А на задние лапы он встаёт, когда ему любопытно, и когда он не уверен или боится. И такой зверь не опасен... А вот когда он мчится «свиньёй» – вот тогда он представляет серьёзную угрозу... Несомая под углом лобастая голова может даже срикошетить пулю... И тогда зверь расправится с тобой обязательно... А стрелять надо, чтобы попасть между маленьких злых медвежьих глаз, чуть пониже того костяного нароста на лбу, кото-

рый рикошетит пулю.

– Как же тогда на него охотятся? – спросил капитан и улыбнулся.

Корли, словно, замялся, потом отвёл от капитана глаза и ответил в сторону:

– Некоторые индейские племена – с собаками... Но вообще, когда индейцы идут добывать медведя, они раскрашивают себя и совершают обряды, словно собираются воевать с соседним племенем... Но в схватке с этим зверем, сила которого равна силе целой дюжины людей, одной доблести мало. Нужна осторожность и хитрость. А сама охота состоит из часов и дней ожидания и тридцати минут ужаса... Часы ты тратишь, чтобы найти гризли, который, словно, чувствует это и прячется, и только полчаса... Ну, вы меня понимаете.

– А если наткнёшься на него ненароком? – спросил матрос Баркин.

– Ненароком?.. Это в лесу-то, что б я сгорел? – переспросил проводник, засмеялся и продолжил: – Ну, если ненароком... У зверей первичный язык общения – это запах... Как бы ты себя не вёл, тебя выдаёт запах страха или уверенности... А для медведя лучшего сигнала нет... Он сразу понимает, как с тобою обращаться... Если ты боишься, он сразу на тебя нападёт. Или из всей группы охотников нападёт именно на тебя.

– А что же делать? – спросил матрос Ховард.

– Не бояться, – отрезал проводник. – И главное – не смот-

реть медведю в глаза... Медленно отойди в сторону и говори что-нибудь громко, можешь даже запеть.

– А что запеть? – растерянно спросил матрос Баркин.

– А что ты знаешь? – вопросом на вопрос ответил Корли.

– Знаю один псалом царя Давида, – уже более уверенно ответил матрос Баркин.

– Вот его и пой... Только погромче, – ответил проводник и добавил: – А ещё этот зверь сразу же оставляет свою жертву, если та лежит неподвижно... Он стоит рядом и наблюдает за ней. Но стоит только пошевелиться, как он снова бросится на тебя. А если ты побежишь, зверь тебя догонит, и тогда уже смерть неминуема... Гризли способен расстояние в сто футов покрыть за пару секунд.

У костра потрясённо замолчали. И тут доктор Легг вдруг спросил со своего места:

– А вы знаете анекдот, джентльмены, как старый охотник учил молодого охоте на медведя?

– Это какой? – переспросил сквайр. – «Дерьмо будет... Главное – не бояться»? Дурацкий анекдот, доктор, и нечего его рассказывать в присутствии юнги.

Сквайр, не поднимая глаз, чистил щечкой ногти, изящно встряхивал пальцами и выглядел сейчас очень даже изысканно в своём светло-голубом жюстокоре с низким воротником, который он надел потому, что его матросские штаны, жилет и рубаша были мокрые. Доктор Легг опешил. Матросы засмеялись, а Роберт смутился.

Платон сказал ему тихо, но особо ни от кого не скрываясь:
– Я тебе потом расскажу.

Роберт благодарно посмотрел на него, а Корли закончил свой рассказ:

– А вообще-то медведи бывают разные: умные и глупые, храбрые и трусливые... Кто-то спокойный, кто-то агрессивный... Так что, никогда не знаешь, как поведёт себя зверь.

Именно этим вечером сквайр впервые и увидел гризли.

Сквайр отошёл от стоянки, выбирая себе укромное местечко. Кругом было тихо – ни шороха, ни звука, ни шевеления листьев, только где-то у него за спиной гомонили матросы, он слышал взрывы их смеха и улыбался чему-то сам, отмахиваясь от комаров и осматриваясь кругом. Это странное тёмное пятно на фоне зелёной листвы он заметил боковым зрением и испуганно обернулся – на него из кустов, как раз на уровне его лица, смотрела медвежья морда. Сквайр отпрянул и закрутил головой, высматривая пути отхода, но морда уже пропала.

Мистер Трелони резко свернул в сторону и быстро пошёл прочь, раздвигая руками ветви кустарников. Откинув очередную ветку, он неожиданно уткнулся в толстую заднюю часть огромного медведя – хвост медведя был удивительно короткий, а шерсть на задку почему-то мокрая, и всё это переходило в косматую седую холку, а над этой чудовищной медвежьей холкой, громадной, выше человеческого роста, сквайр с ужасом увидел медвежий затылок. Потом медлен-

но-медленно к нему завернулись сначала медвежьи ушки, а следом повернулась и морда – глаз и нос.

Сквайр замер, он даже дышать перестал. Он стоял и смотрел на этот глаз, не в силах оторваться, не в силах двинуться с места, а глаз, не мигая, смотрел на него, и в голове у сквайра, как-то сама собой, вдруг возникла, трепетная и нелепая сейчас, строчка из Шекспира.

– Боюсь, что утром так же мы проспим, как незаметно за ночь засиделись, – хрипло выговорил сквайр медведю.

Медведь продолжал смотреть на сквайра, потом он отвернулся и поднял, оттопырив, правую заднюю лапу, словно показывая, что он легко может прихлопнуть сквайра одной этой лапой: медвежья ступня была огромная, голая, а тёмная кожа её – в трещинку. Постояв так секунды две, медведь сделал шаг, потом другой и страшно медленно ушёл, беззвучно растворившись в ближайшем кустарнике. И тут вокруг резко запахло прелыми листьями.

Мистер Трелони простоял без движения ещё какое-то время, а потом бросился прочь, назад, в лагерь, совершенно забыв о своих намерениях.

****

На следующее утро каноэ опять плыли по реке, а на дневной стоянке Корли, улыбаясь, сказал:

– Сегодня хороший день дня купанья в реке.

День и в самом деле был чудо, как хорош – ветра не было, нежаркое канадское солнце припекало, и после обеда все ре-

шитительно потянулись к реке. У костра остались только вахтенный матрос, Райвенук и Корли, который был занят своим мушкетом.

Потом проводник поставил мушкет, поднялся и, покосившись на индейца, произнёс:

– Райвенук, ты бы тоже искупался, что ли... Пойдём со мной.

Райвенук пристально посмотрел на него и ответил:

– Белый человек смердит... Ему надо много купаться... А ирокезы – не утки, в воде не плещутся.

После этого он отвернулся от Корли и застыл с отсутствующим взглядом. Корли не стал с ним спорить и пошёл к реке один.

После купания быстро собрались и опять погрузились в каноэ. Речушка, по которой они теперь плыли, была совсем маленькая, неспешная. Тёмные воды её, цветом похожие на ирландское пиво, стояли в змеящемся русле почти неподвижно. Река так неторопливо отдавала себя озеру, что сквайр подумал, что просто озеро запустило своё извилистое щупальце в лес, чтобы попить неразбавленных ягодных соков. По берегам реки лежали огромные комли деревьев, похожие на замерших пауков с растопыренными лапами, готовых ожить в любую минуту по неслышному приказу. Самих стволов поваленных деревьев не было видно. Берестяные лодки шли очень легко и почти не протекали, хотя ноги сквайр уже замочил. Немного подумав, он решил разуться

по примеру Индейца Корли и Райвенука.

К вечеру нашли место для привала на берегу озера. Матросы занялись обустройством лагеря и ошипыванием гусей, которых настреляли днём, а доктор Легг и мистер Трелони пошли к воде и скоро оказались на маленькой песчаной косе, омываемой с одной стороны водами озера.

Мистер Трелони ахнул, и даже доктор не смог скрыть своего восхищения, когда перед ними вдруг открылась картина, созданная самой природой и нигде не исправленная рукой человека. Перед ними лежало пространство тихой и прозрачной воды на милю в длину и на полмили в ширину. Берега озера были неправильной формы: береговые мысы, вдававшиеся в водную гладь – с одной стороны, и извилистые маленькие бухты – с другой. Было время отлива и по обнажившемуся илу ходили, гогоча, птицы и выбирали из ила водоросли и личинок. В северной части озера стояла тёмная гора, имевшая пологие и ровные скаты и в лучах заходящего солнца очень похожая на перевернутый киль корабля. Над водой, трубно перекликаясь, летели жирные гуси.

– Удивительно хороший вечер для купания, – сказал мистер Трелони доктору, начиная раздеваться.

Доктор Легг только улыбнулся в ответ и последовал его примеру.

Искупавшись, довольный доктор оставил сквайра одного любоваться красотами пейзажа, а сам пошёл от озера с полотенцем на плече. Рубашку он нёс в руке, беззаботно пома-

живая её. Доктор улыбался – вечер, и правда, был удивительно хорош. Ближе к лагерю ему встретился Райвенук. Ирокез скользнул взглядом по обнажённой груди доктора, и тот заметил, как глаза у индейца расширились.

Доктор покосился на свою грудь и плечи, на которых, как какая-то чудовищная, непристойная татуировка перекручивались извилистые и неровные линии шрамов, нахмурился, досадуя на себя, и поспешил натянуть рубашку на своё ещё влажное тело.

У костра вовсю шло приготовление к ужину. После ужина все ждали чай, который почему-то сегодня долго не закипал, и тихо, устало переговаривались друг с другом. Потом матрос снял закипевший чайник с огня и поставил его на ковёр из опавшей сосновой хвои, на которой все сидели, и она вдруг волшебным образом запахла, и это было так приятно, что доктор, вдохнув полной грудью, подумал, что его усилия и лишения вознаграждены в полной мере.

Все молчали, видимо наслаждаясь этим хвойным запахом и этим тихим летним вечером, а, может быть, слушая сверчков. Капитан опустил глаза к земле и вдруг спросил:

– А вот этот ваш охотник, Джо Смит?.. Какой-то он странный.

Проводник помолчал немного, а потом ответил нехотя:

– Будешь странный, когда вся твоя семья умерла от оспы, а ты сам в этом виноват.

Джентльмены потрясённо притихли, они во все глаза

смотрели на Корли, ожидая объяснения. И проводник объяснил:

– Он отвёз рубашку от больного чёрной оспой в лагерь ближайших индейцев и подарил её вождю... А потом отвёз другие рубашки в другое племя и тоже подарил вождю и самым могучим воинам племени. Сам-то он оспой уже давно переболел. И индейцы стали болеть и умирать... А потом у него самого в семье все умерли... Сначала заболела малышка, потом жена, а потом и сын десяти лет... Из всех Смитов только он один и остался... А ещё оспа перекинулась на наш посёлок, и в нём тоже умерло больше половины людей... Я думаю, эти рубашки дарились по приказу фактории. Индейцев слишком много, и дичи на всех не хватает... Идёт война за лесные угодья, а фактория на всё способна в своих подлостях.

Какое-то время никто ничего не говорил, переживая услышанное, а проводник почему-то стал откашливаться, словно собираясь с духом.

– Доктор Легг! – вдруг выпалил он. – Райвенук говорит, что вы – великий воин. Таких шрамов он никогда в жизни не видел и потрясён.

Доктор вспомнил встречу с индейцем по пути с озера и потупился, поскучев лицом.

Корли, между тем, стал допытываться:

– Откуда у вас такие шрамы, доктор? Это следы когтей?

– Да, когтей, – едва слышно пробормотал доктор, ощу-

щая, что жар заливает его лицо, потому что, как все рыжие, он краснел очень легко.

Тут мистер Трелони со своего места пояснил:

– Это следы от когтей льва.

– Льва? – удивлённо вскрикнул проводник, чуть ли не подпрыгнув на месте. – Мне про них много рассказывали, про этих львов! А где вы охотились на льва, доктор?

Доктор Легг потрясённо молчал, поводя зелёными глазами и отдуваясь, потом он беспомощно глянул на капитана.

– Доктор Легг охотился на львов в Африканской Гвинее пять лет назад, – ответил за доктора капитан и воскликнул: – Да ладно вам, доктор, рассказывайте, не скромничайте! Лев, действительно, был огромный... Величиной с доброго быка... Мы все здорово перетрусили тогда.

– Мой мушкет... – пролепетал доктор Легг, не поднимая глаз.

– Да не надо про мушкет, – перебил его улыбающийся мистер Трелони. – Вы про гриву расскажите и про хвост.

– Да, хвост мощный такой, – пробормотал совершенно растерявшийся доктор.

– А грива? – азартно спросил проводник, глаза которого горели, как два огня. – Грива какая?

– Грива роскошная, чистый шёлк, – уже приходя в себя, ответил доктор. – Редкого овсяного цвета.

И тут раздался голос Райвенука, который спросил у Корли что-то на своём наречии.

– Он спрашивает, кто такой лев, – объяснил проводник.

Джентльмены замялись, не зная, что сказать. Доктор Легг нашёлся первым.

– Объясните ему, что это рысь величиной с гризли, с лошадиной гривой и длинным-предлинным хвостом, ударом которого она может запросто свалить с ног молодого и сильного воина, – сказал он.

И тут Райвенук вдруг заговорил по-английски.

– Нет! – воскликнул ирокез гортанным голосом своего племени, вскакивая на ноги. – Таких больших рысей не бывает!.. Скорее трава зацветёт цветами, чем я поверю в это!

У костра все онемели, а доктор Легг очень убедительно сказал, делая индейцу знак рукой, чтобы тот сел на место:

– Ну, хорошо... Величиной с молодого гризли, не матерого.

Райвенук медленно опустился на землю, во все глаза глядя на доктора.

– А лапы? – продолжил расспросы Корли. – Лапы большие?

Доктор Легг развёл руками, показывая, и ответил:

– Лапы – вот какие.

Тут все почему-то потрясённо замолчали – и те, кто шкуру льва доктора Легга никогда не видел, и те, кто видел её чуть ли не каждый день. Наконец, Платон, который, как всегда широко улыбался, откашлялся и произнёс каким-то странным, словно бы спёртым, голосом:

– Шкура этого льва лежит теперь в гостиной доктора Легга на самом почётном месте.

И все снова потрясённо затихли, а потом Индеец Корли стал рассказывать про то, как однажды он подстрелил огромную рысь, и тоже принялся разводить руками, а дальше, как это часто и бывает в таких случаях, кто-то ещё и ещё про что-то рассказывал и разводил руками, и все снова удивлялись, и спрашивали про оружие и количество шагов, и были исключительно друг другом довольны.

Кончился этот вечер тем, что все, кроме доктора Легга и Райвенука, пошли спать. Доктор и ирокез остались у костра и тихо разговаривали. Светила луна, вдали негромко и как-то лениво ухала ночная птица, и в этой тишине вахтенный у своего костра ясно слышал, как доктор Легг, утвердительно кивая головой, время от времени повторял Райвенуку:

– Да... Шкура лежит в моем вигваме.

****

На следующее день уже ничего не напоминало им о давешнем.

Сразу после восхода солнца начался дождь, – мелкий, изматывающий, какой-то осенний, – а любой охотник знает, что в лесу, где каждый куст и каждое дерево осыпает тебя брызгами с головы до ног, даже самый маленький дождь обязательно вымочит до последней нитки.

Корли сказал, что теперь надо будет идти пешком, а каное нести «волоком» до другой воды. Матросы разбились на

пары и, привязав к переключинам лодок вёсла, перевернули их днищем вверх и поставили себе на плечи – каноэ были небольшие, их несли подвое. Впереди отряда шёл Корли, топором прорубая всем дорогу, временами его сменял Райвенук, а проводник нагружал на себя лодку и нёс её вместо индейца. Матросы тоже подменяли друг друга время от времени – тот, кто шёл под днищем лодки вторым или первым, передавал её товарищу, а сам брал на плечи мешок или тук с грузом. Какое-то время доктор Легт тоже нёс своё каноэ, пока его не сменил капитан.

Несмотря на относительно лёгкий вес берестяного судёнышка, нести его было трудно – давили на плечи вёсла, ноги заплетались в срубленной поросли, скользили по мокрой траве. Дождь не переставал. На небо даже смотреть не хотелось, такое оно было беспросветное. Скоро все брели за проводником мокрые и замёрзшие, несмотря на просмоленные штаны и куртки, брели, сгибаясь под грузом и лодками, которые, казалось, с каждым часом становились всё тяжелее.

В обед встали, разбили палатки и тенты и сразу же выпили рома. От рома отказался только юнга Роберт и Райвенук, но Корли сказал про Райвенука, что настаивать не надо – индейцы никогда не мёрзнут. Потом с помощью пороха развели костры и сели греться, поворачиваясь к огню то одним боком, то другим. От их намокшей одежды клубами валил пар.

Капитан, время от времени растирая лицо руками, косился исподтишка то на Роберта, то на мистера Трелони, кото-

рый это замечал и старался держаться бодрее хотя бы с виду. Сквайр устал ужасно, от выпитого рома по всему его телу уже разливалось приятное тепло, и, если бы капитан сейчас скомандовал подъём, сквайр, возможно, не смог бы подняться и идти дальше. Доктор скрючился рядом с ним, нахохлившись. Один Платон не сидел на месте. Он то уходил с матросами за дровами, то подходил с какой-то услугой к сидящим у костра джентльменам, и сквайру казалось, что Платон не ведаёт ни холода, ни усталости.

– Скоро дождь кончится, – вдруг сказал Райвенук.

Голос его был хриплым, а из-под куска парусины, который ему выделили матросы ещё утром и которым он сейчас был накрыт, торчал только его гордый мокрый нос.

Все повернули головы и посмотрели на Райвенука с надеждой.

– Откуда он знает? – спросил доктор Легг у Корли.

– Ветер меняется, – ответил тот, зябко передёргиваясь всем телом. – Дым костров относит то в одну сторону, то в другую... Верный признак, что дождь скоро перестанет.

Дождь, действительно, через полчаса превратился в мелкую морось, потом стих совсем, но солнце не выходило. По небу по-прежнему неумолимо ползли, догоняя друг друга, серые мрачные тучи. Все угрюмо молчали.

– Когда Колумб вернулся из Нового Света, он привёз в Испанию множество диковин, – вдруг задумчиво сказал капитан, протягивая к костру ногу.

– Вы тоже сейчас о нём думаете? – спросил сквайр у капитана и повернулся, подставляя костру другой бок.

– О нём?.. Это вы о роме, господа? – живо переспросил доктор Легг.

Капитан убрал от костра ногу и сказал доктору с укоризной:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.